

СТАВКА НА ПОБЕДУ

ДЕТЕКТИВ

Андрей Воронин
СЛЕПОЙ

ЧЕЛОВЕК В ЧЕРНОМ

Слепой

Андрей Воронин

Слепой. Человек в черном

«ХАРВЕСТ»

2010

УДК 882(476)
ББК 84(4Бей-Рус)

Воронин А. Н.

Слепой. Человек в черном / А. Н. Воронин — «ХАРВЕСТ»,
2010 — (Слепой)

ISBN 978-985-18-3684-6

Глеба Сиверова, бывшего тайного агента ФСБ по кличке Слепой, преследует одержимый мстью бандит Бык, которому некогда Глеб «помог» угодить на тюремные нары. Чтобы сбить Быка со следа и отвести от семьи смертельную угрозу, Слепой принимает предложение поработать в лагере экстремального туризма «Атлантида», расположенном на берегу озера Иссык-Куль в Кыргызстане, и попадает из огня да в полымя – мало того, что за ним гонятся люди Быка, так приходится еще и спасать вверенных ему подростков, на которых некие экспериментаторы испытывают опасные психотропные препараты...

УДК 882(476)
ББК 84(4Бей-Рус)

ISBN 978-985-18-3684-6

© Воронин А. Н., 2010
© ХАРВЕСТ, 2010

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	25
Глава 4	36
Глава 5	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Андрей Воронин
Слепой. Человек в черном

© Харвест, 2010

Глава 1

В последние дни Дениса Чубукова, известного некогда среди люберецкой братвы под кличкой Чуб, то и дело бросало в сладкую дрожь от одной мысли о том, что он вот-вот станет полноправным хозяином шикарного особняка на Рублевке.

Всю кинжальную остроту этих столь ожидаемых им жизненных перемен могли ощутить разве что те самые приснопамятные Люберцы, которые начинали «качаться» с Чубом в душном школьном подвале. У Чуба, которому в лихие девяностые, когда он взялся за «железо», не было и шестнадцати, тогда действительно была густая темно-русая шевелюра. Там, в тесном подвале, качая мышцы, он поклялся себе, что во что бы то ни стало выберется, вырвется из люберецкого болота и построит, чего бы это ему ни стоило, для себя и своей маленькой сестрички Милы настоящую жизнь. Не такую, как у родителей. Нравится им пить бражку с пивом и заниматься мордобоем – пусть себе прозябают, но это не для него. Там, в Люберцах, для него и таких же, как он, обездоленных, вечно голодных, но упрямых, настойчивых и отчаянно смелых, рискованных пацанов стали находиться дела, за которые первые постсоветские трусливые и жадные толстосумы готовы были платить и платили неплохие бабки.

Правда, когда Чуб наконец расплатился с долгами, отъелся, приоделся, купил приличную тачку, снял в Москве квартиру и собрался уже было поделиться добычей и с сестрой, и даже с предками, родители как-то

уж очень быстро один за другим умерли, а сестра пропала без вести где-то в Европе, куда отправилась на заработки. И от густой шевелюры у Чуба осталось одно воспоминание да еще прилипшая к нему намертво кликуха. К двадцати пяти годам Чуб уже совсем облысел. То ли сказались непомерные нагрузки в «качалке», то ли служба в армии на некоем жутко секретном объекте, то ли витамины и добавки, которыми он себя до последнего времени пичкал, чтобы нарастить, как говорится, мышцу. Но отсутствие волос Чуба несколько не смущало. Девчонки на него в буквальном смысле слова вешались. А одна дамочка, как она сама про себя говорила, «бальзаковского возраста», целуя его в абсолютно гладкую черепушку, всегда с придыханием постанывала и шептала: «Лысый мужчина – это так сексуально...»

Родителей и особенно сестру, конечно, было жалко. Но работа, которой Чубу вместе с другими люберецкими пацанами приходилось заниматься, была хоть и не пыльной, но зато большой (ударение на первом слоге), а иногда и кровавой. Так что ему было не до сантиментов.

Чуб хорошо усвоил, что за просто так никто денег не платит и тут еще и смотри, чтобы даже хорошие знакомые, те, что из бывших люберцев, не надули. В свои без малого тридцать Чуб, видный подтянутый мужчина со стальным блеском в глазах, умел поставить себя так, что за всякую качественно выполненную работу ему платили (а иногда и переплачивали) точно и в срок. Чуб, надо сказать, к тому же умел быть деликатным, знал, где промолчать, а где и вообще забыть о том, кому и в чем помог.

Так бы он и жил, занимаясь то тем, то этим, но вдруг ни с того ни с сего ему по-настоящему начало фартить.

Сначала один из его знакомых, Васька-качок, из бизнес-шестерок, которые ошиваются возле солидных людей в поисках конфиденциальных разовых поручений, вдруг предложил ему работу водителя у одной из рублевских бизнесвумен. Оплату посулил – выше некуда.

Правда, и служба, была, как говорится, три в одном: водитель, охранник (за это должна была платить хозяйка) и то, что было важно некоему солидному человеку-заказчику, – соглядатай-доносчик.

– Сам понимаешь, брат, бизнес – мужское дело. А тут этих баб поналезло – не продохнуть. Ну, мужикам, ясное дело, нужно держать каждый их шаг под контролем, – объяснил Васька-качок. – Если их без контроля оставить, таких дров наломают!

Чуб, который привык относиться к женщинам пренебрежительно, только хмыкнул:

– Ну, что и при бабках любая баба – дура, это ясно. А эта хоть с виду ничего, не жаба?

Или ни кожи ни рожи?

Чуб был как раз на мели. Марать руки уголовщиной ему не хотелось, а легальной работы лучшей, чем эта, было попросту не найти. Поэтому внешними данными хозяйки он поинтересовался так, ради красного словца.

– Ну, так как эта твоя баба, не жаба? – повторил он свой вопрос.

– Ага, – хохотнул Васька-качок, – с теми деньжищами, которые к ней после гибели мужа перешли, и жабу в прекрасную царевну превратить можно. Где ты видел бизнесвумен без кожи и рожи?

– Кто – я? Я-то как раз на таких вдоволь насмотрелся...

– И где это, интересно?

– Где-где... В клинике пластической хирургии, – ответил Чуб.

– И что ты там делал? – искренне удивился Васька-качок.

– Что-что... работал я там, охранником.

– Охранником?

– А что ты удивляешься? Там же не то что тысячи, миллионы долларов крутятся!

– Да... Ну и как там эти тетki без кожи и рожи? – усмехнулся Васька-качок.

– Противно... Я теперь как услышу, что такая-то краля пластику сделала, меня в дрожь бросает...

– Ну прям! В дрожь... Не гони! – не поверил Васька-качок. – Ты ж еще малолеткой столько кровищи перевидел, а тут тебя от одной лишь мысли о вумен в повязках трясти начинает?!

– Ты мне про эту бабу, к которой меня пристроить хочешь, расскажи... – прервал его Чуб. Васек-качок только сладенько так улыбнулся:

– За хозяйку свою не бойсь! Ты ей никогда ее лет не дашь. Глядишь, еще и приударить за ней... Только грани не переступай...

Знал бы Васек, как все дальше сложится!

Да, Чуб и сейчас аккуратно информировал того, кого следовало, обо всех движениях вумен. Как он считал, для ее же безопасности, для того, чтобы без чуткого мужского руководства не наделала глупостей. А что касается грани... Грань он давно по обоюдному согласию переступил. Из водителя и охранника он превратился для госпожи Закревской в друга, очень близкого друга, не просто любовника, а, можно сказать, жениха.

Все складывалось бы просто замечательно, если бы не одно но... Этим «Но» с большой буквы был ее сын Вадик, который переживал подростковый возраст. Переживал так, что мама не горюй!

Ладно, не хочет учиться, так ведь еще и увлекся паркурком. Сколько раз Чуб отвозил Вадика в платную гимназию в Барвихе, а тот на попутках добирался в столицу и гонял там по крышам. К последнему уроку он вновь появлялся в классе. Учителям заявлял, что ему было плохо, что он потерял сознание или просидел несколько часов в туалете. Правду все узнали только, когда он однажды изрядно покалечился и Чубу вместе с Закревской пришлось забирать его из больницы.

Но главная проблема была не в отсутствии у упрямого подростка тяги к знаниям и не в его прыжках с крыши на крышу, главное было в том, что Вадик и близко не подпускал ухажеров к своей матери, считая,

что всех таких воздыхателей притягивают к ней исключительно денежки. И в общем-то, был прав. Хотя, правду сказать, Закревская в свои сорок с хвостиком выглядела просто великолепно. И фигурка стройная, и личико милое, да и темпераментом ее Бог не обидел. Ею

можно было увлечься и даже более того. И Чуб, начав с ней играть в любовь, так втянулся, что остановиться уже не мог, да и не хотел.

Единственной преградой к, как казалось Чубу, полному и почти безоговорочному счастью был пацан, который, как только заметил интерес, который его мать начала проявлять к новому шоферу-охраннику, сначала напрягся, а потом принялся выпускать ядовитые иголки. Он не шел ни на какой компромисс ни с матерью, ни тем более с Чубом да еще и то там, то здесь подкладывал им подлянки. И теперь перед Чубом стояла задача нейтрализовать его, и нейтрализовать как можно скорее, потому что Вадик мог элементарно сбежать из дому. А этого, как и пусть даже случайной смерти парня, Закревская не пережила бы.

Проснувшись, Чуб поймал себя на том, что в последнее время он ни о чем ином столько не думает, сколько о возможных реальных способах хотя бы на время сплавить парня куда-нибудь подальше. Хотя бы на несколько недель, чтобы, в конце концов, официально оформить свои отношения с Закревской. Чтобы стать-таки наконец полноправным хозяином ее дома на Рублевке. Дело в том, что у Закревской в последнее время появились какие-то серьезные проблемы в бизнесе и она сама сказала Чубу, что в этой ситуации надежнее будет переписать дом на него. Но ее сын, Вадик, которому каким-то образом стало известно о планах матери, буквально встал на дыбы. И Чуб никак не мог придумать, как ему найти общий язык с Вадиком. А без дружеских отношений с подростком рушилась вся с таким трудом построенная им пирамида.

У Закревской, разумеется, тоже все мысли сходились на сыне. И, выйдя на террасу, чтобы по традиции ровно в семь испить в обществе Чубика, как она теперь

ласково называла своего нового охранника, кофе, Закревская заговорила о том же.

Привычка пить по утрам кофе у Закревской появилась еще в студенческие годы, когда она была не госпожой, а в меру бойкой провинциалкой Верочкой Квач, которая мечтала удачно выйти замуж. И, поскольку мозгами Бог ее не обидел, Верочка, проглотив наспех в булочной двойной кофе без сахара, довольно прилично отвечала на практических и без хвостов сдавала зачеты и экзамены.

Пока был жив муж, они тоже за кофе никогда особо не засиживались. А когда после его исчезновения все дела навалились на нее подобно снежному кому, Закревской тем более недосуг было растягивать кофепитие.

Но когда в ее жизни появился новый охранник, то есть когда он решил и однажды после очередного вечернего приема совершил то, о чем она давно уже тайно мечтала, госпожа Закревская полюбила по утрам неторопливо пить кофе, сначала за барной стойкой в холле, а когда потеплело, здесь, на террасе. На полчаса раньше просыпалась и, приведя себя в порядок, причесанная и подкрашенная, уже в деловом костюме и на каблучках она выходила на террасу и позволяла себе минут двадцать чисто женского счастья. Попить кофе с любимым и, как ей казалось, любящим ее мужчиной для Закревской теперь было то же, что для наркомана получить дозу. Ее новый охранник, как она очень скоро заметила, был по природе своей леноват, но эта его поначалу раздражавшая ее расслабляющая леность стала ей приятна и даже необходима, особенно с утра, перед началом распланированного до минут рабочего дня. Всего несколько минут, каких-то полчаса расслабления, и потом, она уже в этом убедилась, весь день все шло как по маслу.

Они с Чубом покачивались в удобных, сплетенных где-то на Бали ротанговых креслах и, пока домработница, или, как ее теперь принято называть, помощница по

хозяйству, Дарья Павловна готовила и подавала им кофе, рассуждали. То есть, скорее, рассуждала Закревская, а Чуб, ошупывая ее нарочито жадным, таким приятным и желанным для нее взглядом, лишь слушал и кивал.

– Может быть, отправить его в Англию или даже в Америку, в какой-нибудь продвинутый колледж? Хрен с ними, с деньгами, лишь бы образование получил да человеком стал. Но тут бабушка надвое сказала... Кротовы вон отправили свою девочку, а через полгода вернулась – не узнать. Там у подростков наркотики, как у нас жвачка. Теперь на все лето в какую-то клинику закрытую устроили. А вылечат или нет – неизвестно. Так ведь это девочка. А мой Вадик вечно куда-нибудь влипает. Не мне тебе рассказывать... Да и в Америку только осенью можно отправить. А летом куда его? Я даже на свадьбу его боюсь брать. Обязательно что-нибудь отчебучит. А нам же с тобой еще хоть на неделю в свадебное путешествие надо съездить... А его и здесь страшно одного оставлять, и с собой не возьмешь. Он же тебя, сам видишь, на дух не переносит. Раздражаешь ты его...

– Так что, мать, может, мне слинять? – вдруг резко прервал ее Чуб.

– Да нет. Ты что... Он же ребенок еще. Он просто ревнует, – вдруг, как девчонка, смутилась Закревская. – Ты не сердись на него. Его бы на время куда-нибудь услать, а потом, когда мы с тобой официально распишемся, он привыкнет, смирится... Его бы на лето куда-нибудь... В лагерь или в деревню...

– Ну, давай устрою. У меня и в деревне есть знакомые, и в турфирмах тоже есть. Теперь этих лагерей расплодилось сколько хочешь, на любой вкус, – пожал плечами Чуб.

– Подожди... Одного его тоже отпускать опасно. Если что не по нем окажется, сбежит. Потом ищи ветра в поле... – в задумчивости покачала головой Закревская, маленькими глотками смакуя горячий кофе.

– Ну, няньку ему найми, фрекен Бок. Пусть она за ним с горшком бегают, – буркнул Чуб.

– Фи, Чубик, перестань, – скривилась Закревская и поставила на стол чашку, а потом, подумав, добавила: – Хотя, знаешь, это идея...

– Что, няньку для Вадика найти? – хмыкнул Чуб.

– Да нет. Не няньку, а гувернантку, даже нет, гувернера. Я слышала, что теперь многие из нашего круга нанимают для своих недорослей мужчин-гувернеров... Идеально было бы тебя в гувернеры к Вадика пристроить, но он же...

– Но он же меня, как ты говоришь, на дух не переносит...

– Ну, не обижайся, Чубик... Подумай, может, у тебя надежный друг найдется. Я денег не пожалею.

– Так мне гувернера искать или деревню с лагерем? – потребовал уточнить Чуб.

– В деревню Вадик не поедет. А если поедет, то через день ему скучно станет, сбежит. Лагерь искать надо.

– Ладно. Как скажешь... – пожал плечами Чуб.

– И знаешь... Давай твоего знакомого туда вожатым устроим. Или как там это теперь называется... Ну, в общем, чтобы он за нашим Вадиком смотрел, а тот об этом не догадывался, – предложила Закревская.

– Ну, – кивнул головой Чуб.

– Я платить буду, и в фирме тоже он будет получать зарплату, как этот... пионервожатый или воспитатель...

– Да ясно, – кивнул Чуб, вспоминая, кто из его корешей завязан на туризме и кому беспрепятственно можно будет подсунуть своего человека в качестве воспитателя.

– Только ты не тяни. Сам знаешь, время – деньги. А в деле воспитания время – это еще здоровье, а то и жизнь...

– Вау, Верунчик, так ты у меня философ!

– Вот ты скажи, во сколько вчера Вадик вернулся?

– Вадик? Не знаю, – вальяжно повел плечами Чуб, – я, как ты меня в свою опочивальню затянула, так до утра никуда и не отлучался. У нас же с тобой была ночь бешеной страсти. Или ты забыла, цыпа?

– Я просила тебя, не называть меня цыпой! – вдруг вспыхнула Закревская и покраснела.
– О, такой ты мне нравишься еще больше! Ты меня возбуждаешь... – проговорил Чуб полушепотом, буквально съедая хищным взглядом Закревскую.

Та вскочила.

– Мама, я пришел! – послышался снизу звонкий, чуть ломкий, смеющийся голос Вадика.

Он стоял на аккуратно постриженной лужайке, возле темно-зеленой туи, с ярко-красным скейтом в руках. На нем были порванные джинсы, заношенная выцветшая черная майка и черная кепка с красным черепом над козырьком, из-под которой во все стороны торчали темные, почти до плеч волосы. В его огромных, оттененных длинными ресницами светло-серых глазах читались немой вопрос и одновременно вызов.

Закревская и Чуб в буквальном смысле онемели от неожиданности.

Мало того, что они оба были уверены в том, что Вадик, как всегда в такую пору, спит у себя в комнате, так еще получалось, что, стоя внизу под террасой, он мог слышать весь их разговор. Ведь они, сидя за столиком, смотрели лишь вдаль, на выплывающее из-за леса солнце, ну и друг на друга, конечно... А тут вдруг такой сюрприз...

– Ты что так рано встал? – спросила Закревская, первой придя в себя.

– А я и не ложился... – пожал плечами Вадик.

– То есть как это не ложился? – возмутилась Закревская.

– Да так, тусовался в городе. На последний автобус не успел...

– Я же тебе дала деньги на такси! Я же тебя просила: обязательно приезжай домой!

– Я и приехал домой...

– Я просила приезжать домой ночью, то есть вечером, а не утром! Зачем я тогда тебе деньги на такси давала?!

– Я их сэкономил. Дождался, пока автобусы начнут ходить, и приехал! Ты меня похвалить должна. Видишь, какой у тебя экономный сын! Ты по праву можешь мною гордиться! – высокопарно, но с явной издевкой заявил Вадик.

– Перестань ерничать! – нервно воскликнула Закревская, заливаясь краской. Будучи натуральной блондинкой, она при малейшем возбуждении краснела с головы до пяток.

– Как ты разговариваешь с матерью! – рявкнул Чуб.

– А ты вообще заткнись! Кто ты такой, чтоб мне указывать! – огрызнулся Вадик. – Тоже мне, папочка выискался!

– Слышь, парень, ты мать пожалей! Если сейчас не заткнешься, я сам тебя заткну! – пригрозил Чуб, бледнея и изо всех сил сжимая железные поручни.

– Не надо, Денис, подожди, мы сами разберемся! – повернулась к нему Закревская.

– Ой, сейчас расплачусь! Герой-любовник и смущенная Джульетта! – хмыкнул Вадик и, вздохнув, вдруг как-то резко обмяк, пошатнулся и тихо добавил: – Ладно. Я спать...

И, пустив скейт по дорожке, направился к дому.

– Ну, я сейчас ему покажу! – решительно выдохнул Чуб.

– Не надо. Пусть выспится... Я вернусь – мы с ним поговорим, – остановила Чуба Закревская.

– Хорошо, пусть выспится. Но ты потом не реви в подушку и не ной, что парень пропадает, – сказал Чуб, хрустнув пальцами.

– Я сегодня целый день буду в офисе, а ты помотайся по городу, попробуй все-таки найти гувернера и лагерь... – вздохнула Закревская и, поцеловав Чуба, ласково проворковала: – Не злись, Чубик. Ночь и правда была волшебной. Ты был на высоте.

И я, надеюсь, тоже...

– Безусловно... – усмехнулся Чуб и добавил: – Я пошел к машине.

– Да, дай мне, как всегда, пять минут, и в дорогу, – пробормотала Закревская и вдруг остановилась и с тревогой прошептала: – Как ты думаешь, он слышал о нашем разговоре? О лагере, гувернере?..

– Кто «он»?

– Да Вадик, конечно.

– Вряд ли... Если бы он слышал, то нам бы такой концерт закатил!

– Ладно, будем надеяться, что он ничего не слышал, – махнула рукой Закревская.

Всю дорогу до города они молча слушали музыку и думали каждый о своем.

Чуб наслаждался тем, как легко и приятно управлять недавно купленным с его подачи и на него записанным серебристым «БМВ». Насчет лагеря и гувернера он раньше времени не заморачивался, потому что был уверен в том, что у него, за что бы он ни взялся, все пойдет как по маслу.

А госпожа Закревская, Верунчик, как называл он ее теперь, похоже, и правда увязла, как муха в сиропе... Ночь любви – и из нее можно веревки вить. И эту новую машину он покупал уже не как шофер, а как хозяин. Теперь, если вдруг даже им и придется разбежаться, машина останется ему. И дом она тоже скоро переписшет на него. У нее в бизнесе начались какие-то там проблемы. И она очень боится, что дом могут забрать. А ему-то что... Чтобы женщина не уставала делать тебе подарки, никогда не показывай, как ты их ценишь и ценишь ли их вообще.

Поэтому Чуб как-то, когда Закревская предложила заехать в бутик купить ему фирменные джинсы, только плечами пожал. Мол, если тебе так хочется, давай купим, но я и на рынке или в секонд-хенде купить могу.

Она купила ему модный костюм.

– Ладно, раз тебе стыдно со мной в джинсах ходить, надену костюм и бабочку.

Иногда она даже извинялась за то, что ему подарок сделала.

И машину эту он тоже принял, лишь слегка поведя плечами. Так что Закревская еще долго выясняла, может, ему цвет не подошел или марка не та. Хоть выбирали в автосалоне новейшую модель.

Эта его сдержанность и холодность убедила Закревскую в одном: Чубик действительно ее любит и его поступками руководит не расчет, а истинные чувства.

И вот теперь он был в паре шагов от узаконенного владения не только «движимостью», то есть автомобилем, но и недвижимостью, то есть домом на Рублевке.

Госпожа Закревская никогда не садилась на переднее сиденье. Чтобы настроиться на работу. Дорога до столицы для нее была переходным рубежом от личной жизни к бизнесу. Она, как женщина волевая и решительная, как истинная бизнесвумен, умела четко отделять личное от общественного. Хотя до последнего времени, до встречи с Чубом, бизнес как раз и был ее личным делом. Но теперь, чтобы принимать правильные решения, она должна, просто обязана была иметь холодную голову. А для этого нужно было унять и свое сердце, и свою жадную до утех плоть.

Фирма, которая досталась ей от мужа, занималась поставкой стройматериалов. И поскольку поставщики у них были проверенные и надежные, заказчиков хватало. Но в последнее время один за одним сорвалось несколько очень выгодных заказов. И как сказал Пал Палыч, который был правой рукой еще ее покойного мужа, скорее всего, происходящее было связано с утечкой информации. Он даже с ее разрешения установил прослушку на телефонах и слежку за ключевыми в их фирме работниками. Однако пока что так и не удалось выяснить, кто же сливал информацию конкурентам, которые успели перехватить едва ли не самых выгодных заказчиков.

Закревской и в голову не приходило, что ее с виду туповатый, но как любовник непревзойденный Чубик ведет двойную игру. И что именно из-за него сорвались с крючка заказчики.

Чтобы поскорее включиться в рабочий ритм, Закревская достала из элегантного черного портфельчика папку с бумагами и, пока доехали до офиса, успела просмотреть весь пакет документов по новому договору.

– Верунь, приехали, – сбил ее с рабочего ритма Чуб.

– Да-да, спасибо, – ответила она холодно и отстраненно и напомнила: – Не забудь про гувернера и лагерь.

– Да, я помню, – кивнул Чуб и официально спросил: – Во сколько вас забирать?

– Сегодня договор должны подписать. Помнишь, на той неделе ты к рублевским ездил. Вот они обещали сегодня приехать. Больше ничего у меня срочного не запланировано. Так что ты с лагерем и гувернером все реши и подъезжай.

– Слушаю и повинуюсь, моя госпожа, – проговорил Чуб и, выйдя из машины, распахнул дверцу и помог выбраться Закревской.

Она, не заглядывая ему в глаза, вежливо кивнула и направилась к лестнице.

Чуб проводил ее сочувственным взглядом. Хотя, пока она поднималась по лестнице, не мог не отметить, что и фигурка, и ножки над шпильками очень даже ничего. Только зря она такую короткую юбочку да еще с разрезом нацепила, да еще и волосы, как девчонка, распустила. Чуб терпеть не мог, когда женщины начинали молодиться. Но тут ему было лучше помалкивать. Во всяком случае хотя бы до поры до времени.

Передавая своим заказчикам, которые исправно выплачивали ему приличные гонорары, информацию обо всех контактах Закревской, он был уверен, что делает благое дело, что с его подачи какой-то давний друг ее умершего мужа контролирует ситуацию и не дает ей, мо-

бильной блондинке, как называл ее сам про себя, опростоволоситься. И даже то, что сорвалось несколько, как считала госпожа Закревская, весьма выгодных сделок, он посчитал возможным защитным для ее бизнеса маневром. Ведь мобильная блондинка никак не может знать о всех подводных течениях в бизнесе.

Чуб уже хотел развернуться, чтобы поехать в хорошо известную ему турфирму «Алые паруса», которой руководила бывшая жена одного его давнего люберецкого кореша, но тут зазвонил его мобильный.

– Але! – проговорил он, слегка растягивая звуки.

– Чуб, ты? – раздался в трубке голос.

И от этого резкого хриплого голоса у Чуба перехватило дыхание. Его он мог узнать из тысячи. Это был Вован Бычков, по кличке Бык. Лет десять назад он тоже хаживал в их качалку в Люберцах. И хотя Чуб был не из пугливых, его до сих пор передергивало от одного воспоминания об этом громиле под метр девяносто, с изуродованным шрамом лицом и холодными водянистыми глазами. Когда он выходил из себя, его белки в буквальном смысле слова заплывали кровью.

Но поскольку Чуб пару раз ходил с ним в связке и сдавать никогда не сдавал, бояться его ни тогда, ни теперь ему было нечего. Хотя кто его знает, что у Быка теперь было на уме. Ведь тогда, лет десять назад, он исчез как-то вдруг и сразу. Говорили, что попался на героине. Но пацаны почему-то были уверены, что наркотики ему подложили. Так или иначе, когда Быка взяли, Чуб вздохнул свободней. И теперь, когда он вот-вот должен был наконец наладить себе спокойную и беззаботную жизнь, этот голос из прошлого прозвучал как удар в набатный колокол.

– Чуб, ты?! – переспросил Бык.

– Ну я, – ответил Чуб.

– Я вчера с зоны откинулся. Вот проверяю братву на вшивость. Много кто ваще базарить со мной не хочет. Ну, ты, раз голос подал, мне поможешь.

– В смысле, поможешь?

– Да надо тут одного человечка замочить. Который меня на зону упек.

– Из наших, что ли? – спросил Чуб, чувствуя, что внутри у него все холодеет.
– Да нет...
– Мент, что ли? – уточнил Чуб.
– Мент не мент... Не знаю даже, как его обозначить... Я тогда во взрослые игры ввязался. Большие люди возле меня крутились. Знал, что добром не кончится. Но если б не этот Слепой...

– Слепой? – удивился Чуб.
– Ты что, его знаешь? – сразу оживился Бык.
– Да слепых же много... – пошел на попятную Чуб.
– Ладно. Не придуривайся. Ты знаешь, о ком говорю. Вольный стрелок. Из бывших. Кличка у него Слепой. А так, как мне добрые люди нашептали, Глеб Сиверов. Хотя, кажется, теперь он по какой-то другой ксиве живет. Он меня тогда подставил. А я такого не прощаю.

– И что ты хочешь делать?
– Душа жаждет крови.
– А при чем здесь я?
– Найди мне Слепого! А я тебя отблагодарю. По-царски. У меня с конца девяностых значки еще остались.

– Но я правда не знаю, о ком ты базаришь...
– Не финти! Он и тебя тогда заловил. Только почему-то отмазал. А меня подставил и сдал. Ты не бойся! У меня только к нему интерес. А ты живи, еще сгодишься.

– Ну, хорошо, – сдался Чуб, поняв, что отпираться бессмысленно, – я поспрашиваю своих.

– Вот и ладненько! А то: «Не знаю... Не понимаю...» – хмыкнул Бык и добавил: – И не вздумай от меня прятаться. Из-под земли достану.

Когда Бык отключился, Чуб со злостью ударил по рулю. Это был тот случай, когда говорят, что даже не влип, а завяз. Завяз не только он, но и Слепой, человек, который в свое время реально спас ему жизнь. Такое не забывается. Самым неприятным было то, что найти Слепого мог не только он, Чуб, но и Бык. По наводке или случайно.

Посоветоваться в этом деле Чубу было не с кем. Нужно было все продумать самому. И не просто продумать, нужно было действовать. Немедленно отыскать и предупредить Слепого. А тут еще этот Вадик, турфирма, гувернер... Все одно к одному.

Но первым делом нужно было все-таки предупредить Слепого. Телефон его был записан у Чуба в мобильнике под именем Глаз.

Чуб набрал номер, но Слепой был недоступен. Оставалось надеяться, что тот на лето съехал куда-нибудь из столицы подальше.

Вздыхнув, Чуб завел мотор и поехал в турфирму.

Турфирма «Алые паруса» была расположена недалеко от центра, в обычной трехкомнатной квартире на втором этаже ожидающей капитального ремонта «хрущевки». Чуб как-то заезжал туда по просьбе кого-то из пацанов, передавал деньги той самой дамочке, что рулила этим суденышком. Подчиненные, ясное дело, звали ее Еленой Ивановной. Но Чуб по старой памяти называл ее Ленок, хотя она, в отличие от госпожи Закревской, красила волосы в рыжий цвет, делала высокие строгие прически и мини не носила.

Когда Чуб, постучав, зашел в ее кабинет, она сняла очки, окинула его удивленным взглядом и, чуть надув губки, выдохнула:

– Ты?!

– Ну, во-первых, здравствуйте, – проворчал Чуб, усаживаясь на стоящий перед ее столом стул.

– Привет, – пожала она плечами и, быстренько свернув висевшую на мониторе информацию, спросила: – И какими судьбами?

- Да вот решил развеяться.
- Ну, ты, я слышала, себе богатую даму нашел...
- Ну, допустим, не я ее нашел, а она меня.
- А что, есть разница? – хмыкнула Елена Ивановна.
- Есть, Леноч, есть...
- Но ты, я слышала, собираешься жениться?
- Хорошие у тебя уши. Хорошие, большие уши, просто локаторы... Ох и много чего ты слышишь, Леноч...
- Так это правда? – переспросила она, не обращая внимания на его ерничанье.
- А если правда, то что? – спросил Чуб, окидывая Елену Ивановну своим фирменным соблазняющим взглядом.
- Если ты действительно собираешься жениться на госпоже Закревской, то я навряд ли тебе смогу помочь... – сказала она сдержанно.
- В смысле? – не понял Чуб.
- Ты же, наверное, насчет свадебного путешествия...
- Ну, может, и свадебного путешествия... – пожал плечами Чуб.
- Так у нас для вас вряд ли что найдется. У нас все туры для среднего класса, недорогие, – предупредила Елена Ивановна.
- А может, мы жадные!
- Не знаю, как ты, а госпожа Закревская для своего бойфренда, думаю, ничего не пожалеет.
- Как знать, как знать... – покачал головой Чуб и улыбнулся.
- Так ты по делу или так? А то у меня работы море. Сам же видел. Лето. Клиенты. Лагеря...
- Вот-вот, я про лагерь у тебя и хочу спросить.
- То есть? – не поняла Елена Ивановна.
- Ну, есть ли у тебя что-нибудь подходящее для подростка-экстремала? Чтобы его затянуло. И он не сбежал оттуда на завтрашний день, – поинтересовался Чуб.
- А для кого это, если не секрет?
- Да какой тут секрет. Для сына Закревской.
- А... – кивнула Елена Ивановна. – Ну тогда экстрим экстримом, а условия должны быть божеские. Вот, скажем, под Москвой лагерь есть, туда многие богатые люди своих детей за приключениями отправляют. Живут в палатках, на берегу реки. Песни под гитару поют, костры жгут, в лес по грибы-ягоды ходят...
- Нет, его под Москву нельзя. Ближе слишком. Сбежит.
- Хорошо, есть еще Крым. По горам лазят, в море купаются.
- А вот это ничего, подходит.
- Заезд через две недели, – сказала Елена Ивановна и добавила: – Цена вопроса...
- А раньше ничего нет? – перебил ее Чуб.
- Раньше нет. Там пока что украинские дети отдыхают. Смену они, смену мы...
- Понятно, – кивнул Чуб. – А нет у тебя чего-нибудь вот просто сейчас, завтра. Цена не имеет значения.
- У нас нет, но я сейчас пробежусь по сайтам наших конкурентов, может, что-нибудь найду.
- Елена Ивановна опять надела очки и вышла в Интернет.
- Ну что? – нетерпеливо спросил Чуб.
- Вот, есть одна путевка в скаутский лагерь на Иссук-Куле. Полнейший экстрим. Только, у них там все, похоже, сорваться может. Вон написано, что им два воспитателя нужны и врач. А отъезд уже послезавтра.

– Давай мне адрес этой фирмы.

– Какой? Электронный, виртуальный или реальный.

– Давай все, – махнул рукой Чуб.

– Подожди, я сейчас туда позвоню, может, они по Интернету нам продадут. Я как посредник еще и денежку получу.

Елена Ивановна, не выходя из Интернета, набрала на мобильнике номер и ласково проворковала:

– Это «Шхуна»? Гарик? Это «Алые паруса». Я тебе на Иссык-Куль туриста нашла. Да я знаю, что дети до восемнадцати. Ему до восемнадцати. Давай я тут у себя все оформлю и тебе по факсу пошлю. Чтобы не гонять человека. Документы по факсу, деньги на счет. Да какой процент! Ладно, возьму процент. Ладно. Я спрошу, – кивнула Елена Ивановна и добавила: – Спасибо тебе. Спрошу, спрошу...

– Ну что, получилось? – спросил Чуб.

– Обижаешь, – улыбнулась Елена Ивановна. – Конечно получилось. Садись заполняй документы. Деньги на бочку и послезавтра с вещичками своего пацана отправляй на Иссык-Куль в лагерь «Атлантида»!

– А что ты там обещала спросить? – поинтересовался Чуб, разглядывая бланки.

– Да они воспитателя одного все еще не нашли. Просили, чтобы я поспрашивала. – Может, ты хочешь туда поехать?

– Нет, я не хочу. То есть я не могу.

– Ах да, у тебя же свадебное путешествие, – язвительно хмыкнула Елена Ивановна.

– Сам я не поеду, но вот человека, может, им найду, – заявил Чуб, у которого вдруг появился план.

– Попробуй. А то у них все сорваться может, – попросила Елена Ивановна.

– Только ты, знаешь, перезвони им, скажи, что я дома все бумажки заполню. И завтра им сам отвезу. А деньги можешь и сегодня им отправить.

– Хорошо, давай, – кивнула Елена Ивановна.

– Спасибо, Леночка, – сказал Чуб, окидывая Елену Ивановну сладким, ощупывающим взглядом.

– Иди, не поясничай! – проговорила Елена Ивановна, махнув рукой и слегка смутившись.

Чуб взял бумаги и, выйдя на улицу, прежде, чем сесть в машину, еще раз перезвонил Слепому.

Глава 2

У Глеба Сиверова это было едва ли не первое за последнее десять лет лето, которое он мог провести так, как просила душа. Его давние хорошие знакомые, отправившись на Канары, отдали ему ключи от своего за-

городного дома, построенного не в охраняемом коттеджном поселке, а на берегу живописного лесного озера. Оставалось загадкой, как удалось им получить разрешение на то, чтобы теперь собственнически любоваться на плавающих в озере среди лилий лебедей и собирать землянику на никем не вытоптанной солнечной полянке. И это всего в нескольких десятках километров от Москвы.

Вчера утром Глеб отвез за город своих близких. А сам вернулся, чтобы за ночь подготовить квартиру к ремонту. За эти годы даже переклеить обои не получалось. Почему-то именно летом обязательно случалось что-нибудь экстраординарное. И Глеб Сиверов, Слепой, которого, даже после того, как он попытался отойти от дел, высокопоставленные чины никак не хотели исключить из числа особо ценных тайных агентов, вынужден был бросать все и действовать там, куда его посылали, в, так сказать, предлагаемых обстоятельствах.

Но теперь, как это известно было Глебу, тот, кто мог выдернуть его из постели среди ночи и отправить на край света, взял отпуск. А всем остальным он был вправе отказать.

Из той глухомани, куда он отвез своих близких, на мобильник было не дозвониться, с рабочими было договорено, и он, чтобы ничто его не отвлекало, трубку свою отключил. И взялся за уборку.

К утру квартира была к ремонту готова. Глеб планировал дождаться рабочих, передвинуть вместе с ними мебель, обозначить им фронт работ и минимум неделю не появляться в городе. Его ждали рыбалка, уха с дымком, шашлыки, грибы, которых теплое дождливое начало лета обещало немало. И главное – тишина, которой так не хватало в городе. А теперь у него оставалась еще пара часов, чтобы вздремнуть. Садиться за руль не выспавшись ему тоже не хотелось.

Глеб лег в постель, не проверяя неотвеченные звонки, поставил будильник на восемь и тут же провалился в сон.

Поскольку устал он порядком да и организм настроился, очевидно, на долгожданный отдых, сновидения его не тревожили. А проснулся он, как всегда, за пять минут до будильника и, взяв мобильник, проверил-таки на всякий случай непринятые звонки. Один из них, точнее, двадцать из них весьма его удивили. Это был парень из люберецкой группировки, Чуб, который был у него в разработке лет десять назад. Время от времени Слепой выходил на него. И тот даже пару раз ему помогал. Но сам Чуб никогда к Слепому за помощью не обращался. Тем более было удивительно увидеть его номер на дисплее мобильного. Что и почему так его встревожило? Слепой даже стал подумывать о том, не позвонить ли Чубу перед отъездом. Но долго раздумывать ему не пришлось. Сам Чуб позвонил еще раз. И Слепой нажал на кнопку связи.

– Привет, – сказал Чуб и в своей обычной манере рванул с места в карьер: – Кто на трубе, узнал?

– Допустим, – сдержанно отозвался Слепой.

– Ты сейчас где?

– А зачем тебе?

– Ладно, ты скажи, в Москве?

– Допустим.

– В общем, братан, линять тебе надо. Немедленно. Залечь на дно и даже пузыриков не пускать.

– Что так? – спросил Слепой, понимая, что Чуб впустую говорить не будет. И если предупреждает об опасности, то наверняка она, эта опасность, уже стоит где-нибудь на пороге.

– Быка помнишь? – продолжал Чуб.

– Ну да, как же его забудешь, – пожал плечами Слепой.

– Так вот, Бык откинулся. И жаждет крови. Твоей крови. А от него, знаешь, муха не улетит.

– Ну, допустим, я не муха... – пробормотал Слепой.

– Потому и звоню. Он убить тебя поклялся.

– Так чего ж ты не с ним? – спросил Глеб.

– У меня перед тобой должок имеется. Как говорится, жизнью тебе обязан. Ну, считай, и я тебе жизнь

сейчас спасаю. Имей в виду, Бык уже в поиске. Не сегодня завтра тебя вычислит. Так что, где бы ни был, съезжай немедленно и подальше.

– Подожди. Может, лучше мне с ним встретиться и, как это там у вас говорится, побазарить? – предложил Слепой.

– Да не станет он с тобой базарить! – раздраженно рявкнул Чуб. – Шлепнет и вся недолга.

– Так что же мне теперь всю жизнь от вашего Быка бегать?

– Подожди. Он нас всех достал. У нас с пацанами с ним свои терки. Никто теперь под него ложиться не будет. Он же сейчас бабки требовать станет. А у нас давно совсем другой расклад. Мы сами этого козла уберем. Но не сразу. По-тихому. А ты пока что отдохни где-нибудь подальше от столицы.

– Ну, я тебя обрадую, как раз сейчас уезжаю за город, отдыхать.

– И как далеко твое отдыхайло от столицы находится?

– Да недалеко, но глушь такая, что и мобильник не берет.

– Нет, это нам не подходит.

– Что ты раскомандовался: подходит, не подходит. Это ж я туда еду, а не ты...

– Потому и беспокоюсь.

– Меня там близкие мои ждут.

– Нехорошо это... – с тревогой в голосе проговорил Чуб, а потом добавил: – Но ты сам-то хоть теперь туда не сунься. А то выследят, мало не покажется ни тебе, ни твоим близким. Это ж не кто-нибудь, а Бык. Он хоть козел, но дело свое знает.

– А что ты предлагаешь?

– Есть у меня одна тема. Приезжай сейчас в турфирму «Шхуна», на месте и побазарим. И Чуб продиктовал Слепому адрес.

– И вот еще что, – добавил он на прощание, – никому не открывай!

– Да ко мне сейчас рабочие должны прийти, – сказал Слепой и, услышав звонок, направился к входной двери.

– Какие рабочие! Я говорю: не открывай! Ты что, Быка не знаешь?!

– Жди меня в этой твоей «Шхуне»! – сказал Слепой и, отключив мобильный, на всякий случай нащупал к кармане пистолет.

Заглянув в глазок, он убедился в том, что это действительно рабочие, те самые, что приходили оценивать предстоящий фронт работ, и спокойно открыл двери.

Рабочий, который вошел первым, выкрикнул:

– Осторожно!

Из-за его спины тут же показался наставленный прямо на Слепого пистолет, и в квартиру, разогнувшись, заскочил высоченный громила.

– Ну вот и встретились! – гаркнул он.

Слепой ногой выбил у него из руки пистолет, выбежал на площадку, оттолкнул опеших рабочих и метнулся вниз по лестнице. Нужно было немедленно предупредить ожидающих его за городом близких, а лучше всего перевезти их в другое, более надежное место.

Слепой остановил проезжавший мимо «мерседес» и попросил довезти его до ближайшей станции метро. Уже в машине он набрал номер надежного друга, которым настолько дорожил, что обращался к нему за помощью лишь в случае крайней необходимости. Он был едва ли не единственным, кто знал, где Слепой собирался провести ближайшие несколько дней и где уже были его близкие.

– Слушай внимательно, – сказал Слепой без всяких вступлений, – немедленно увези моих в надежное место. Я, когда вернусь, сам тебя найду.

Затем Слепой спустился под землю и, проехав пару станций, вышел неподалеку от турфирмы «Шхуна», которая, в отличие от «Алых парусов», располагалась в современном, обшито голубоватым стеклом высотном офисном здании. Правда, занимала она, как понял Слепой, всего пару комнат на втором этаже. Чуб ожидал его в одном из кабинетов. И хотя тот был в черных очках и натянутой на лицо кепке с длинным козырьком, Слепой сразу его узнал. Чуб сидел у стола и заполнял какие-то бумаги.

Когда Слепой вошел, Чуб отреагировал четко и быстро. Он направился Слепому навстречу и, радостно улыбаясь, громко произнес:

– А вот и наш бэбиситтер, воспитатель, или, как говаривали недавно, пионервожатый!

С этими словами он подошел к Слепому и начал трясти ему руку, при этом приговаривая:

– Здравствуйте, Глеб Иванович, безмерно рад вас видеть.

Глеб, который в последнее время официально существовал совсем под другим именем, застыл, с трудом скрывая недоумение.

– Вот ваш паспорт. Я все заполнил, – продолжал весело наступать Чуб и, наклонившись, шепнул Слепому на ухо: – Все оформлено, заплачено. Ты летишь с детьми на Иссык-Куль, в лагерь экстремального туризма.

Слепой только покачал головой. Его жизнь за несколько последних часов менялась, как картинки в калейдоскопе. И похоже, это еще не конец, а только начало.

– Мы, девушка, на минутку отлучимся и сейчас вернемся, – проговорил Чуб, увлекая Слепого в коридор.

Тот, не зная, куда деваться от такого напора, только покачал головой.

– Хорошо, а я пока что паспортные данные в договор внесу, – с улыбкой кивнула девушка за столом.

Когда они вышли в коридор, Чуб плюхнулся в стоящее в холле кресло. Слепой сел рядом.

– В общем, все, что я мог, я сделал, – заявил Чуб. – Документы новые я тебе достал, ты теперь тренер по восточным единоборствам – Глеб Иванович Северцев. Едешь в лагерь воспитывать трудных подростков. Все бумажки я за тебя оформил. Только расписаться тебе осталось – и все.

– В какой еще лагерь? – недоуменно спросил Слепой.

– Как «в какой»? Я, что ль, тебе не сказал? – начал уже дурачиться Чуб. – Лагерь экстремального туризма для подростков «Атлантида», расположенный у озера Иссык-Куль.

– Где-где?.. – переспросил Слепой.

– У озера Иссык-Куль, – повторил Чуб.

– Подожди, Чуб. Я не собираюсь ехать ни в какой лагерь...

– Ты в этот лагерь не поедешь. Ты туда полетишь, – с ухмылкой поправил его Чуб.

– А чего это ты, по какому праву, позволяешь узнать, все за меня решаешь? – недовольно повел плечами Слепой.

– Слышь ты, не кипятись, это для тебя единственная возможность уйти целым от Быка, – сказал Чуб резко. – И вообще, я тебя не для этого сюда позвал. Лагерь – дело решенное. Тебе

нужно немедленно убираться из города. Тебе здесь мельтешить нечего. Пока ты Быку на глаза не попался.

– Как это «пока не попался»? – пожал плечами Слепой. – Бык у меня сегодня с утра дома был.

– То есть как это?

– Как-как... Собственной персоной. Мне своих нужно было предупредить. Поэтому я дело до конца не довел...

– До какого конца! – по-своему понял слова Слепого Чуб. – Я же тебе сказал, что мы сами с Быком разберемся! Еще не хватало, чтоб он тебе на хвост сел!

– Нет. Чего-чего, а хвоста я не подцепил, – заверил его Слепой.

– Будем надеяться. Но у меня, лично у меня, к тебе дело есть. Да не задаром.

– Что еще за дело?

– В общем, ты, когда в лагерь этот прилетишь, присмотри там за пацаном одним, за Вадиком Закревским. А его мамаша тебе за это приличную сумму выложит. Задаток завтра перед отлетом я тебе передам.

– Что значит «присмотри»? – поинтересовался Слепой.

– Ну, чем-то вроде телохранителя при нем послужи.

– Вроде или телохранителем?

– Точнее будет сказать, гувернером-телохранителем. Кроме чисто физической опасности, будешь защищать его от дурного влияния. Он пацан хороший, но сложный. Отца рано лишился. А мать, что мать... Одно слово, женщина...

– А что у него с отцом случилось? – спросил Слепой. – Как он погиб?

– Да может, и не погиб. Пропал он без вести.

– Где?

– Да где-то в Польше. У него здесь фирма стройматериалов была. Но он, чтобы жена с сыном ни в чем не нуждались, еще машины, как в молодости, по старой памяти гонял. Ну и однажды поехал и не вернулся.

– И что с его фирмой?

– Да теперь все в порядке. Его бывшая жена, госпожа Закревская, лучше его со всем хозяйством управляется.

– Сама? – удивился Слепой, который не очень-то верил в бизнес-таланты женщин.

– Можно считать...

– Что, может, ты помогаешь?

– Да есть люди... – обтекаемо ответил Чуб.

– Люди?

– Ну да, покруче, чем она, будут. Друзья ее мужа по бизнесу.

– Друзья по бизнесу? – покачал головой Слепой. – В бизнесе, Чуб, друзей не бывает. Там только конкуренты. И ты хочешь сказать, что конкуренты помогают ей продвигать ее бизнес?

– Ну да... А что здесь такого? Она же женщина. Мало чего в этом бизнесе сечет. Ну, мужики и решили ей помочь по старой памяти. Они, как я понял, и мужу ее помогали, и ей помогают...

– И она в курсе этой их помощи?

– Да нет! Ты что! Она терпеть не может, когда кто-то в ее дела суется. Я им информацию про все ее дела по-тихому сливаю. А они кумекают, как и что. И страхуют. Но даже с их помощью у нее не все гладко идет. В последнее время совсем, как я понял, забуксовала...

– С их помощью?

– Ну да. Даже с их помощью и то буксует. А представляешь, если бы ее одну оставили, один на один со всеми ее проблемами?!

На это Слепой только хмыкнул:

- Ты что, и правда думаешь, что конкуренты ей с твоей подачи помогают?
- Ну да... – пожал плечами Чуб.
- Да... Ты, брат, даешь... – задумчиво покачал головой Слепой. – Правильно говорят: «Болтун – находка для шпиона».
- Подожди, что ты хочешь сказать?! – возмутился Чуб. – Ты хочешь сказать, что они меня вместе с ней обули?
- И, боюсь, в дырявые сапоги, которые не починишь...
- В смысле?
- Почему ты уверен, что твои заказчики используют твою информацию не в своих целях?
- То есть?
- То есть ты сообщаешь, с кем она встречается, о ее планах, о сделках, которые планируются, а они...
- А они проверяют, надежны ли эти партнеры, и, если видят, что они могут кинуть Закревскую, делают все, чтобы сорвать сделку...
- И много таких сделок они с твоей подачи сорвали? – спросил Слепой.
- Не знаю, я в эти дела не лезу, – пожал плечами Чуб.
- Да, – вздохнул Слепой, – а тем временем бедную женщину обдирают как липку.
- Да че ты гонишь! Как это может быть?!
- Да просто. Госпожа Закревская сделку готовит, ты сообщаешь о ней своим покровителям, надо понимать, ее конкурентам, а те эту сделку и перехватить могут, и сорвать, какие-то коммерческие тайны рассекретить, выставить ее в невыгодном свете...
- Я как-то об этом не подумал... – пробормотал Чуб. – У нее и правда в последнее время, как я понял, несколько важных сделок сорвалось. Она переживала, а я думал, что это ее от ошибок друзья ее мужа застраховали.
- Я ж тебе говорю, Чуб, в бизнесе друзей не бывает, – повторил Слепой. – Я так чувствую, что ее дела тебя волнуют больше, чем дела ее, как ты думаешь, благодетелей.
- Да мы вообще с ней пожениться решили...
- Опаньки...
- Ты думаешь, меня накололи?
- Почему накололи, деньги ж тебе платят. И хозяйка, и ее конкуренты. Ладненько устроился, Чуб!
- Фу ты! Так меня развели да еще и подставили! Если Закревская узнает, что я... Она меня и близко к себе не подпустит! Может, все-таки ты пургу гонишь?
- А ты проверь! Если ты мне не веришь, слей, как ты выражаешься, какую-нибудь не обязательно реальную, можно и фальшивую информацию и понаблюдай, как твои заказчики засуетятся. Сам не сможешь – людей найми. Если ты за хозяйку, или теперь уже и невесту, надо понимать, свою печешься.
- Ладно, попробую. Тут еще этот Бык ни к селу ни к городу нарисовался.
- Да с Быком я и сам разобраться могу, – пожал плечами Слепой.
- Нет, Быка оставь мне. А ты давай вали подальше отсюда!
- За кого ты меня принимаешь?! Чтобы я от какого-то Быка бегал?! Да никуда я не поеду! А сунется еще – буду стрелять на поражение.
- Как ты не понимаешь, с Быком по-тихому разобраться надо. У него такие покровители, что если что, ни тебе, ни твоим родным жизни не будет. Говорю тебе, один выход сейчас в этот лагерь тебе ехать. И бабла срубишь – за то, что в лагере этих пацанят смотреть будешь, и за то, что Закревской сынок будет все время под твоим неусыпным взглядом.
- А как ты собираешься Быка по-тихому убрать? – спросил Слепой.

– Это мое дело. И еще. Я уверен, что ты у Быка под колпаком. Поэтому придется сделать ложный ход. Чтобы тебя совсем в другой стороне искали. Девушек в агентстве я уже предупредил, что, если будут о нас спрашивать, они должны сказать, что ты поехал в лагерь в Крыму. В Крым они сегодня группу отправляют. Но я Быка из Москвы постараюсь не выпустить. Мы сейчас с тобой на вокзал поедem, на перроне покрутимся, с детьми этими побазарим. А завтра ты уж один прямо к самолету на Бишкек пригребешь. И вперед.

– Как я понимаю, отступить мне некуда. Ты уже все решил.

– Ты сам подумай, так здорово все совпало!

Тут в коридор выглянула девушка, которая оформляла документы, и сообщила:

– У меня перерыв уже начался. Зайдите распишитесь!

Они вошли, и Слепой, сверившись со своим новым паспортом, расписался в нескольких бланках.

– Ну вот, а теперь в Крым! – сказал Чуб, вручая Слепому его документы и многозначительно кивая девушке, которая уже встала из-за стола.

– Я все помню, – кивнула она, – не волнуйтесь, все будет так, как вы просили.

– Какой там у них поезд и вагон? – поинтересовался Чуб.

– Вот тут я вам все написала, – сказала девушка, протягивая белую картонку с записью. – Поезд Москва-Симферополь, пятый вагон. Только Михаила Карловича предупредите, что вас могут искать.

– Не волнуйтесь, девушка, все будет в шоколаде, – кивнул Чуб. – Спасибо вам. Я, если все сделаете, как я просил и как вы мне обещали, потом еще вам доплачу.

– Я всегда исполняю свои обещания, – обиженно поджала губки девушка.

– Ну и ладненько, тогда пошли, – бодро сказал Чуб.

Когда они вышли в коридор, Слепой заявил:

– Если Бык действительно сидит у меня на хвосте, думаю, мне сейчас на вокзал лучше одному податься. Без тебя. А то он заподозрит что-нибудь может.

– Может, – кивнул Чуб. – Но мне же все равно придется его по ложному следу пустить. Так что здесь уж будь что будет. Да, а вот в аэропорт я тебя провожать не буду. Я Вадика туда провожать буду. И ты уж, будь добр, внешность свою чуть притуши. Чтобы они, если за мной увяжутся, тебя не узрели.

– Ладно, – кивнул Слепой и добавил: – Но я все-таки один на вокзал сегодня поеду.

– Ну, как знаешь... – пожал плечами Чуб. – Может, ты и прав.

Слепой понимал, что Бык через своих людей его выследит. И теперь чем дальше от столицы он, Слепой, уедет, тем больше надежды на то, что Бык, если Чуб не успеет его нейтрализовать, тоже уедет в даль светлую и не станет заниматься поисками его близких, которые успеют надежно укрыться в Подмоскowie.

– Может, у тебя просьбы какие есть? – спросил Чуб, когда они подошли к выходу. – Может, твоих близких подстраховать? Жену, детей... Ты же наверняка уже женился и дети есть...

– Запомни, – перебил его Слепой, – у меня нет ни родных, ни близких!

– Понял, – кивнул Чуб, пожимая ему руку. – Ну, как знаешь. Там в папке с документами паспорт и билет на самолет. Не опаздывай.

Не стовариваясь, они решили, что из здания им лучше выйти не вместе, а по одному.

Слепой вышел первым и, остановив такси, отправился на вокзал. До отправления поезда оставалось полчаса.

Когда он вышел на платформу, у пятого вагона еще стояла группа разновозрастных подростков с солидными рюкзаками. Рядом с ними, то и дело куда-то названивая по мобильнику, нервно похаживал пожилой подтянутый темноволосый мужчина в ярко-синей ветровке.

Наконец он до кого-то дозвонился и прокричал:

– Мы не можем отменять поездку! Деньги заплачены! Садись на самолет, и чтоб через день была в Симферополе.

Отключившись, он скомандовал подросткам:

– Садитесь в вагон!

– Михаил Карлович, а как же Марья Степановна? – удивленно спросила кудрявая черно-волосая девочка в ярко-розовых брюках и белой байке. – Как же мы поедем без доктора?

– Если есть больные, сразу тут оставайтесь! – резко сказал Михаил Карлович и подхватил свой рюкзак. – А вообще-то она на самолете нас догонит в Симферополе. А пока что я вам буду и отец, и мать, и швец, и жнец, и на дуде игрец!

С этими словами Михаил Карлович подтолкнул девочку к вагону и достал из кармана пачку билетов.

Слепой, не выпуская из вида группу, к которой он, если смотреть со стороны, казалось, примкнул, аккуратно из-под темных очков изучил взглядом всю платформу и не мог не заметить коротко стриженного молодого человека, который, стоя за колонной, слишком уж часто поглядывал в его сторону.

Поскольку до отправления поезда оставалось всего ничего, проводница, худощавая женщина лет тридцати, особо в билеты не всматривалась. Только заметила:

– У вас один лишний.

– Да, – кивнул Михаил Карлович.

А когда последним в вагон вошел Михаил Карлович, поезд дернулся и двинулся с места. Слепой рывком вскочил в тамбур и, поймав удивленный взгляд проводницы, заявил:

– Я с ними!

– Да-да, у них был лишний билет. Они говорили, что еще один пассажир должен был быть.

– Это я, – твердо сказал Слепой, успев заметить, что около столба на перроне уже никого нет.

Проводница прошла в вагон, а Слепой, как только поезд выехал за город, на ходу соскочил на землю. Скатившись с насыпи, он с облегчением вздохнул.

Надо понимать, что от одного следопыта он избавился. Теперь стоило подумать, где остановиться на ночь.

Можно было, конечно, попроситься на ночлег в любой из стоящих недалеко деревянных домиков. Но, во-первых, Слепому не хотелось рисковать. Кто знает, не захочет ли хозяин или хозяйка проявить бдительность. Вызовут милицию, потом попробуй кому что докажи. В последнее время люди, насмотревшись телевизора, в каждом встречном готовы увидеть террориста. Во-вторых, ему рано утром предстояло добраться до аэропорта. А это было удобнее сделать, находясь в столице, а не за ее пределами.

Взвесив все за и против, Слепой решил, что таким странным образом нарисовавшаяся в его жизни поездка в лагерь на Исык-Куль в данной ситуации действительно самый лучший способ отвести беду от своих близких.

Учитывая то, что Бык несомненно взял его след, ему в Москве было лучше не появляться. Но чтобы самому уехать, пришлось бы делать себе новые документы, покупать билеты, с кем-то созваниваться. А поскольку Быку при его авторитете и деньгах, как только он попросит, предоставят новейшие прослушки, была опасность подставить и себя, и тех, кто возьмется помогать. Поэтому, как ни крути, предложение Чуба было, пожалуй, единственно приемлемой возможностью уклониться от удара. Слепой понимал, что Чуб помогает ему не только из-за оказанной им ему в свое время помощи.

#Наверняка за то время, пока Бык мотал срок, в их бандитском мире установилась новая иерархия. И никто не хотел опускаться на ступеньку, а то и на две вниз ради того, чтобы выделить место Быку, который привык руководить процессом и, как говорится, снимать пенки.

Поэтому разбираться с Быком Чуб, похоже, будет не только и не столько ради него, Слепого, сколько ради своего покоя. Но, возможно, до того, как убрать Быка, Чуб хочет о чем-то с ним поговорить. Кто знает, может, Бык, чтобы не утратить авторитет среди своих, надежно утаил их обшак, а теперь ради своей же безопасности не собирается ни с кем делиться. Так что Чубу есть о чем с ним поговорить. Именно поэтому он так настаивает на скорейшем отъезде Слепого из Москвы. Ведь встретиться Слепой с Быком один на один, выстрелить, и без промаха, может первым Слепой. И тогда все тайны обшак Бык унесет с собой в могилу.

Можно было бы, конечно, переждать где-то поближе. Но Бишкек, район озера Иссык-Куль входили в одну из линий наркотрафика. И Слепой, которому не так давно пришлось заниматься как раз московским отростком кыргызстанской наркомафии, неожиданно получил официальную возможность отправиться чуть ли не к истокам того мутного потока, который накрыл столицу. Экстримлагерь для детей новых русских мог стать для него отличным прикрытием. Получалось, он отправлялся туда не столько для того, чтобы укрыться от Быка, сколько для продолжения собственного расследования. Ради этого стоило отказаться и от отдыха. И теперь нужно было сделать все, чтобы никто не смог помешать ему вылететь в Бишкек.

Добравшись до привокзальных запасных путей, Слепой сноровисто вскрыл двери одного из вагонов и, осмотревшись, закрылся изнутри.

Проснулся он от довольно громких мужских голосов. Слепой прислушался и сначала даже подумал, что это

ему снится. Случилось то, что обычно называют ухмылкой судьбы. В соседнем купе двое мужчин на исковерканном на восточный манер русском тоже говорили об Иссык-Куле.

– Это надежный лагерь, Ахмед. Он в горах. Высоко. Там озеро Иссык-Куль, – сказал один.

– Но там же, Султанмурат, полно туристов! – перебил его другой, с более звонким голосом.

– Этот лагерь там, где нет туристов. Там тихо. Можете сами приехать и посмотреть, – защищался Султанмурат.

– Мне нет на это времени. Я вам плачу. Ваша задача найти тихое место, – не скрывал раздражения Ахмед.

– Я знаю. Я понял. Там хороший, очень хороший место, – заверил Султанмурат.

– Наши таджикские друзья повезут детей на автобусе. А вы полетите на самолете. Через три дня все должно быть готово, – сказал Ахмед.

– Будет готово, – услужливо подтвердил Султанмурат.

– С ними вместе приедут китайцы. Им нужно будет показать дорогу. Вы, мне говорили, уже водили по ней курьеров. Это будет главная ваша задача.

– Да, я помню, – отозвался Султанмурат.

– Китайцы будут поставлять в лагерь продовольствие и лекарства. А вы будете их сопровождать. Чтобы не напоролись на патруль, – сказал Ахмед.

– Я помню, помню... – поспешил добавить Султанмурат.

– Вы один завтра летите в Бишкек? – спросил Ахмед.

– Со мной полетит моя внучка Марьям. Она в Москве учится. В университете.

– Это хорошо. Только пусть будет настороже, чтобы ей не подложили наркоту. Тут менты часто так делают, чтобы выслужиться, – предупредил Ахмед, – и сами тоже будьте внимательны.

– Да-да, я помню, – проговорил Султанмурат.

– Теперь я пойду. А вы минут через десять выходите тоже.

– Я понял, – проговорил Султанмурат.

– Вот деньги. Вторую часть получите через китайцев.

– Да, спасибо. А то внучка на билеты много потратила, – пожаловался Султанмурат.

Через пару минут хлопнули сначала двери соседнего купе, а затем двери вагона. Потом все повторилось.

Слепой осторожно выглянул в окно и в предрассветной дымке рассмотрел две мужские фигуры. Первым по направлению к лесу шел мужчина помоложе и повыше. А за ним, чуть прихрамывая, ковылял совершенно седой старик в светлом костюме.

Глава 3

После того как Ленка Шмырев по кличке Шмырь показал ему в «Контакте» запущенные в Интернет фотки и видео, Вадик впал в ступор. Когда мать, вернувшись с работы, попыталась отчитать его за то, что он не ночевал дома, Вадик выслушал ее тихо и безропотно. Она очень удивилась, потому что в последнее время он даже малейшее замечание встречал в штыки и несколько раз послал ее куда подальше. А тут полнейшая апатия.

– Ты что, дури обкурился?! – закричала мать, осторожно пригнувшись.

– Может, обкурился, может, не обкурился... – пробормотал Вадик, тупо глядя на монитор, в котором плавали разноцветные шарики.

– Как ты с матерью разговариваешь! – опять закричала она, но вдруг затихла и совсем другим, миролю-

бивым и даже чуть заискивающим тоном добавила: – Вадик, я вижу, что ты очень устал... Учеба, репетиторы. И потом гибель отца...

– Отец не погиб! Он жив, – спокойно, но твердо выдавил из себя Вадик.

– Я не буду с тобой спорить. Для тебя твой отец всегда будет жив. Я очень хорошо тебя понимаю. Когда мой отец умер, я особенно остро начала ощущать связь с небом. Будто пуповина моя протянулась в небеса... – начала Закревская.

– Мой отец жив! – чуть громче повторил Вадик. – Тебе же сказали: он пропал без вести. Может, на него напали, может, он память потерял, мучается где-то, а ты здесь шашни со своим козлом этим недоделанным строишь!

– Вадик! Прекрати! – не выдержав, сорвалась на крик Закревская.

А Вадик вместо того, чтобы, как всегда, продолжить перебранку, вдруг затих и, не отрываясь от заигравшегося шариками монитора, пробормотал:

– Прости.

Закревская едва не поперхнулась. Откашлявшись, она вздохнула и примирительно предложила:

– Ладно, давай об этом не будем. Я, собственно, зашла поговорить с тобой совсем о другом. Я понимаю, что ты очень за год устал и тебе хорошо бы отдохнуть, поехать куда-нибудь...

– Сразу предупреждаю, с тобой и твоим Чубиком я никуда не поеду! И не надейся, – опять выставил иголки Вадик, – я с ним вообще никогда никуда не поеду! И жить под одной крышей тоже не буду!

– Ты же взрослый парень... – попыталась урезонить его Закревская. – У тебя же наверняка и девушка есть...

– Какое тебе дело?! И вообще, че ты мне впрягаешь! – начал заводиться Вадик.

– Ладно, это я так, к слову, – как можно спокойнее проговорила мать.

– И вообще, что тебе надо?! Я уже взрослый. Захочу – вернусь ночевать, захочу – не вернусь. Занимайся своими делами! Вон тебя Чубик твой лысый ждет! – опять сорвался Вадик.

– Я тебе предложить хотела в лагерь поехать, – переведя дыхание, поспешила сообщить мать.

– В какой еще лагерь?! Пионерский или, может быть, ГУЛАГ?! – поинтересовался Вадик, неожиданно оживившись.

– Два в одном, – как-то странно улыбнулась мать.

– То есть? – не понял Вадик.

– Это лагерь для таких, как ты, экстремалов, у которых есть богатые родители. Вы летите на Иссык-Куль. Слышал про такое озеро?

– Ну, слышал. В Таджикики где-то...

– Да нет, в Кыргызстане.

– Так ты меня к чуркам, что ли, выслать вздумала?

– Да там все из Москвы будут, с Рублевки. Вас там боевым искусствам учить будут, конной езде, игре на гитаре, ну и жить будете высоко в горах, в палатках. Рядом озеро... – попыталась показать все в лучшем виде мать и, заметив, что сын вроде чуть заинтересовался, протянула ему красочный журнал. – Вот буклет, посмотри. Здесь, кажется, есть и адрес в Интернете, давай, если хочешь, вместе посмотрим...

– Нет! – вдруг выкрикнул Вадик. – Я сам. Давай свой буклет.

– На, – удивленно пожала плечами мать. – Если надумаешь, скажи. Вылет завтра или послезавтра...

– Ты уже и про вылет узнала! Может, и путевочку мне уже купила? Или это твой хмырь подсуетился? Чтобы меня подальше сплавить. Чтобы я вам не мешал! – опять взорвался Вадик, но, еще не успела мать ему ничего сказать, сам резко успокоился.

– Ты все-таки посмотри, может, тебе понравится, – попросила Закревская.

– Ладно, посмотрю, а ты иди, – тяжело вздохнув, согласился Вадик.

– Так, может, тебе на всякий случай место забронировать? – поспешила предложить ему Закревская.

– Ну забронируй... – вполне миролюбиво кивнул Вадик, рассматривая буклет.

– Ну, ты думай, а я пошла, – пробормотала Закревская, весьма озадаченная такими резкими перепадами в настроении сына.

А Вадик между тем и правда не знал, как ему лучше поступить. С одной стороны, нужно было бы, как предлагал Шмырь, разобраться с теми, кто отправил в вольное плавание по волнам Интернета такие опасные для него кадры. Вадик понимал, что, если их выловит кто-то из маминых помощников, ему будут кранты. Но это полбеды. Кранты могут быть и маме, и ее бизнесу. Ведь совсем недавно Вадик случайно услышал: она кому-то рассказывала по телефону о том, как спалился один ее конкурент. Всем его деловым партнерам, среди которых были в основном люди кавказской национальности, разослали фото его дочки в кругу ее друзей-скинхедов, в полной амуниции, с плакатом, на котором было написано что-то вроде «Россия – для русских!» и дальше нецензурно. Бизнес, понятно, тут же накрылся медным тазом, никто не стал поддерживать с ним экономических связей.

А что с ней станет, если она увидит, как ее собственный сын, прижимая к груди этот свой дурацкий ярко-красный скейт, смотрит на то, как бритые отморозки в черном ногами избивают полуживых бомжей.

А после этого видео – несколько фото. И в том числе то, где они вчетвером сфотографировались голые на фоне Москвы-реки. А потом они же, голые, на Красной площади, на фоне Мавзолея. Ясно, что это компьютерная обработка. Но кому теперь что докажешь. И если бы хоть лицо было размыто или чем прикрыто. А так все ясней ясного.

Вадик вышел в Интернет и еще раз, преодолевая неприятное, гнетущее чувство, просмотрел злосчастные кадры, а потом набрал электронный адрес «Атлантиды», – именно так назывался этот, похоже, более чем

кстати подвернувшийся под руку юношеский лагерь экстримтуризма.

Шмырь ведь не просто подсказал, где можно увидеть более чем опасные фотки и видео; он предупредил, что Вадик могут предложить выложить немалую сумму только ради того, чтобы распечатки этих фоток не легли на стол его матери. То есть так или иначе нужно будет искать деньги. А поездка – отличный повод их, эти деньги, у матери взять.

В Интернете об «Атлантиде» были практически те же сведения, что и в буклете, только с фотографиями в объемном формате. Живописные экологически чистые места, дорогие зарубежные палатки, теплые спальники, четырехразовое питание с пищевыми добавками для наращивания биомассы и плюс ко всему – курсы рукопашного боя, восточные единоборства, стрельба, альпинизм, верховая езда, игра на гитаре, английский и китайский язык (для жела-

ющих), зарядка, купание, внимательные воспитатели. В общем, о таком пацану его возраста можно было только мечтать. Учитывая сумму, которую родители должны были выложить за то, чтобы их чада провели две недели на Иссык-Куле, лагерь этот, похоже, был рассчитан на более чем зажиточных людей. И это еще без стоимости авиабилетов.

Вадик откинулся на кресле и потер глаза. Еще недавно он никуда не собирался ехать. Только-только они с еще одним парнем, почти его соседом Витькой Черненко по кличке Черный, влились в новую городскую компанию. Черному недавно стукнуло шестнадцать, и родители подарили ему новенькую «бэу» и права.

– А че мне еще на курсах париться? – пожимал плечами, покручивая на пальце ключи от новой машины, Черный. – Водить я умею лет с десяти. Пока батя у своих баб сидел, меня его шоферы ездить учили.

Теперь у них появился свой транспорт. Хошь купаться на речку или озеро гони, хошь в лес или в клуб тусоваться. И на эту злосчастную съемку голышом они тоже ездили на новой «бэхе». Но оказалось, это был прокол.

Вадик никогда еще не был ни в каких лагерях. За ним и в детстве, когда был жив отец, в основном смотрели няньки. И летом, если даже и ехал он с родителями на какой-нибудь курорт, вместе с ними обязательно отправлялась и его нянька. А когда отец пропал или, как утверждала мать, погиб, мать вместо няньки наняла еще одного охранника. А потом появился этот Чуб. А отдыхать они никуда уже не ездили.

С одной стороны, мать боялась даже на несколько дней оставить бизнес, а с другой – считала, что за городом, где они жили, хватало свежего воздуха, бассейн и тренажерный зал были к услугам Вадика круглосуточно. Она даже разрешила ему приглашать к себе друзей.

И вот теперь ему предстояло одному, абсолютно самостоятельно отправиться в незнакомую местность, с незнакомыми людьми. Возможно, еще пару дней назад он сразу и наотрез отказался бы от этой поездки из ревности или из вредности, это уж можно назвать как угодно. Он терпеть не мог, когда мать оставалась один на один с этим новым охранником Чубом, который, ясное дело, не просто так обхаживает и ее, и его, Вадика, ее сына.

И тут зазвонил мобильник:

– Але, я у телефона, – ответил Вадик, в принципе уже приняв решение.

– Это ты, Вадюха? – послышался в трубке надтреснутый голос Шмыря.

– Ну я, – проговорил Вадик.

– Если стоишь, сядь; если сидишь, ляг.

– Ну...

– Голова поручил мне, чтобы я передал тебе: не найдешь до послезавтра тысячу долларов – фотки с твоими похождениями лягут твоей маман на стол.

– Ну... – повторил Вадик, не на шутку испугавшись.

– Ты понял или нет? Тысячу долларов послезавтра вечером – последний срок.

– Тысячу долларов? – испуганно переспросил Вадик.

– Ну да, – подтвердил Шмырь, – можно в евро.

– Где я ему их возьму?

– У мамочки своей попроси.

– Она столько не даст.

– Попросишь – даст.

– Хорошо, – кивнул Вадик, понимая, что теперь путей для отступления у него нет. Единственный возможный выход – уехать, и чем дальше, тем лучше. В лагерь так в лагерь.

Для таких, как Голова, деньги – самое важное. А без него денег Голове никто не даст. Значит, и фотки к матери, надо надеяться, пока что не попадут. К тому же и она собирается куда-то с Чубом своим отчалить. Теперь мысль о их возможном совместном путешествии вызвала у Вадика лишь вздох облегчения.

Будто почувствовав, что Вадик принял уже решение, мама постучала к нему в комнату. Она была уже не в своем рабочем костюме, а в новом шелковом халатике, с растрепанными волосами, раскрасневшаяся и слегка возбужденная. Когда она вошла, Вадик даже испугался, подумав, что кто-то из доброжелателей уже выудил из Интернета фотки и видео. Но потом понял, что мать просто светится от счастья.

– Вадик, ну как? Ты подумал? – ласково спросила она.

– Да, – вздохнув, кивнул Вадик.

– Так ты полетишь в этот лагерь? – не веря своим ушам, переспросила мать.

– Да, я полечу, – кивнул Вадик и спросил: – А ты с Чубиком своим тоже куда-то собираешься?

Закревская задумалась, не зная, как реагировать на такой мягкий, можно было даже сказать, ласковый тон Вадика. Тот, наверное, понял, что мать ищет в его вопросе подвох, и добавил:

– Ты прости меня, мама. Я просто ревновал тебя. Но если ты с ним счастлива, то прости.

– Спасибо... – искренне растрогалась Закревская.

– Так вы едете куда-нибудь или нет? – переспросил Вадик.

– Да, – наконец решила ответить Закревская. – Через пару дней распишемся и полетим на Багамы. Мы и тебя с собой хотели взять. Но ты такой колючий был... А теперь даже не знаю...

– Нет-нет, – поспешил остановить ее Вадик, – я в лагерь. А ты готовься к свадьбе, отдыхай. Пусть помощники твои поработают. Отключи хоть раз в жизни телефон и поживи для себя.

– Мой ты хороший... – едва не прослезилась Закревская. – Я так рада, что ты меня понимаешь.

– А я поеду, поживу самостоятельно.

– Я вот только не знаю, как с деньгами быть... Или мне тебе карточку пластиковую завести, или наличными дать...

– А сколько ты собираешься мне дать? – едва сдерживая интерес, спросил Вадик.

– Ну, тысячи полторы... Чтобы, если тебе не понравится, ты вернуться мог, – сказала Закревская.

– Спасибо, – радостно выдохнул Вадик, – спасибо, мама.

– Денис поможет тебе собраться, а потом отвезет в аэропорт и проводит, – осторожно предложила Закревская.

– Да, конечно, – кивнул Вадик.

– А деньги... Я тебе часть наличными дам, а часть на карточке оставлю, – приняла решение Закревская.

Вадик наконец встал из-за компьютера, и она обняла его и поцеловала:

– Спокойной ночи, сынок.

– Спокойной ночи, мама, – отозвался Вадик.

Как только она вышла, он опять вышел в Интернет и, отыскав в «Контакте» видео и фотки, попытался посмотреть на них глазами мамы. Теперь, когда так неожиданно вернулись почти забытые им мамины нежность и ласка, переданная Шмырем угроза Головы подбросить ей распечатки казалась ему катастрофой.

Он подошел к зеркальному шкафу, окинул сам себя оценивающим взглядом, и тут его осенило. Там, на фотографиях и видео, он узнаваем прежде всего благодаря шмоткам, подкрашенным ярко-черной краской, и торчащим во все стороны волосам. Ну, еще его ярко-красному скейту. Но ведь одежду, как и скейт, можно выбросить, а если еще постричься налысо, его вообще никто не узнает.

Вадик сбросил с себя привычный прикид, затолкал все, включая засвеченные на видео высокие на шнуровке сапоги, в полиэтиленовый пакет, который убиравшая у них женщина специально оставила ему для мусора, подумал и запихнул туда еще и свой скейт. Потом переоделся в спортивный костюм и, взглянув на часы, быстро спустился вниз, вышел через черный ход и перебрал пакет через забор, туда, где стояли мусорные баки.

Возвращаясь в дом, Вадик с удивлением заметил, что из парадных дверей вышел Чуб, и спрятался за куст сирени. А Чуб сел на лавочку, закурил, а потом, набрав чей-то номер, спросил:

– Вы мне звонили?

А услышав ответ, кивнул:

– Да, я тебя узнал, Бык. А кто тебе сказал, что Слепой уехал в Крым? Его точно видели? Ну, если твой человек поехал, тебе чего париться? Раз заказал, привезут тебе его самого или голову его на блюдечке с голубой каемочкой.

И еще через паузу:

– Нет, нет у него никаких родственников. Если бы были, он бы с ними поехал. Хорошо. На этом Чуб разговор окончил и, достав из кармана сигареты, закурил.

Вадик дождался, пока Чуб докурит и вернется в дом, и лишь затем поспешил к себе.

Телефонный разговор Чуба насторожил Вадика. Было похоже, тот вел какую-то двойную игру. Но все, что говорил Чуб, никак не касалось ни матери, ни его, Вадика.

Так что напрягаться по этому случаю Вадик не стал. Тем более что выбора-то у него теперь не было. Главное, как можно скорее взять у матери деньги и исчезнуть из Москвы. Платить из этих денег Голове за молчание Вадик теперь и не думал. Он отлично знал, что все, что лежит на карточке, обрастает процентами и, пока он будет в лагере, а потом еще где-нибудь, может накопиться приличная сумма.

Единственное, решил для себя Вадик, нужно будет внимательнее присматриваться ко всем контактам Чуба.

Вадика самому понравилось, что он своим поведением удивил не только мать, но и Чуба.

Когда он вышел на крыльцо в светлых брюках, голубой тенниске и мокасинах, Чуб с матерью только переглянулись. Вадик, чувствуя, что его поведение задело их больше, чем ставшие привычными капризы и выбрыки, вежливо поздоровался и, поцеловав маму в щечку, прошел к машине. Когда они отвезли мать в офис, он первым делом попросил затормозить у парикмахерской и, покраснев, объяснил Чубу:

– Хочу, как ты, налысо постричься.

– Ну, можно и не совсем налысо... – растерялся Чуб.

– Не, – покачал головой Вадик и повторил: – Хочу налысо.

Чуб помог ему собрать рюкзак. В путевке был отпечатан список необходимых вещей. Вадик, который, как и все мальчишки, конечно же, всегда мечтал о походах, песнях у костра, веселой нормальной компании, теперь откровенно радовался и новому фонарику, и компасу, который мама отыскала где-то в своих вещах, и перочинному ножу, который когда-то, в далеком детстве, подарил ему отец, а мать спрятала от греха подальше. Теперь всем этим вещам найдется применение. Фляжку и термос они с Чубом купили. За приятными хлопотами Вадик как-то совсем забыл о вчерашней угрозе Шмыря. Шмырь, Голова и вся их дурацкая ватага оставались здесь, в Москве, а он уезжал туда, где их нет и не может быть. О них даже вспоминать не хотелось.

#Все, что происходило с ним этой весной, в общем-то, было обычным подростковым поиском острых ощущений. Похоже, когда человеческий организм начинает развиваться и расти ускоренными темпами, кроме острой потребности в витаминах, возникает не менее острая необходимость в адреналине. Но теперь у Вадика была возможность восполнить запасы адреналина, притом из чистого источника. В этой московской тусе, ватаге, устройстве которой

он и сам еще не до конца понял, парни и девчонки просто проводили время. Сначала паркур, скейт. А потом вдруг какие-то драки, наезды то ли на цыган, то ли на таджиков. И фотографировались они со Шмырем, Черным и Головой тоже так, ради хохмы. Поехали купаться на озеро и попросили какого-то местного шелкнуть их на камеру. Как бы четыре атланта. Кто же знал, что так все обернется. Но теперь это все нужно забыть, хотя бы на время забыть как страшный сон.

На всякий случай, чтобы еще кто-то не нарисовался, Вадик даже отключил мобильник и, включив на сон грядущий «Аватара», под него и заснул.

Во сне он почему-то оказался в парке возле американских горок. Сначала было много людей. Играла музыка. А потом, стоило ему сесть в машинку и пристегнуться, вдруг все куда-то исчезло. И резко наступил вечер, зажглись фонари. И он долго-долго, до головокружения, до тошноты, катался на американских горках, потому что некому было их остановить, а выпрыгнуть на ходу он не решился.

Проснулся он в холодном поту. И первым чувством было ощущение безграничного счастья, что весь ужас остался во сне. Вадик успел еще принять душ, выпить вместе с мамой и Чубом на террасе кофе с вкуснейшими пирожками, целый пакет которых положили ему в дорогу.

И теперь, когда они с Чубом подъезжали к аэропорту, его согревал мамин прощальный поцелуй и ее ласковое:

– Какой же ты у меня уже взрослый!

В кармане куртки лежала пластиковая карточка, которую мама завела на него, и приличная сумма на карманные расходы. Мобильник он тоже взял с собой. Мама оформила ему на всякий случай роуминг. Хотя, конечно, очень мало было вероятно, что высоко в горах можно будет общаться с кем-то по мобильнику. Но мало ли что. А вдруг.

Вадик достал из багажника свой рюкзак и, пожав Чубу руку, попросил:

– Не провожай, я сам.

– Ну, как знаешь... – пожал плечами Чуб.

– Ты вот что... – вдруг совсем по-взрослому попросил Вадик, – увези маму поскорее из Москвы. А то она очень устала. Езжайте отдохните.

– Ладно, увезу, – опешив от неожиданности, пообещал Чуб и вдруг добавил: – Но ты, пацан, точно нашкодил где-то по-крупному. Так резко люди без причины не меняются. Давай колись. А то ты отчалишь, а нам с твоей маман расхлебывай!

– Да ничего я не натворил! – покраснев, буркнул Вадик.

– Ну, смотри, чтоб потом поздно не было, – предупредил Чуб.

– Не будет, – заверил Вадик и, вскинув рюкзак на плечо, направился к входу в аэропорт, где была назначена встреча с группой.

Там уже стояли несколько ребят приблизительно его возраста с рюкзаками и пакетами.

– Вы на Иссык-Куль? – спросил Вадик у высокого худого парня в очках.

– Да, – кивнул тот, даже не улыбнувшись.

– А сколько нас всего должно быть? – продолжал интересоваться Вадик.

– Двенадцать, – так же бесстрастно ответил парень в очках.

Чуть поодаль стояли трое ребят в ярких майках с разноцветными дредами на голове и курили. Еще двое парней, устроившись на лавочке, играли в карты.

– А что, мы без взрослых, что ли, поедем? – спросил Вадик, окинув взглядом всю группу.

– Да будут тебе взрослые, не волнуйся, – сказал парнишка пониже ростом, но зато крепкий и даже, похоже, накачанный. – С нами вроде как спецназовец поедет и медсестра. А в Бишкеке вроде как еще местные присоединятся. Ну вроде проводников. Мои родяки узнавали.

И тут прямо возле них затормозил черный «БМВ» и из него выскочил, Вадик даже не поверил своим глазам, не кто иной, как... Черный. Он был в обычном своем черном прикиде –

обтягивающих кожаных брюках, кожаной жилетке на голое тело, густо украшенное татуировками, и тоже пострижен налысо.

– О, Вад! – радостно воскликнул он. – И тебя, значит, предки, перевоспитываться послали?

– Черный? – удивился Вадик, но тут его внимание привлекла странная сцена.

Чуб, оказывается, никуда не поехал, и теперь к его машине подошел темноволосый, крепко сложенный мужчина в свитере и джинсах и, открыв багажник, достал из него рюкзак. Привез ли его Чуб или он просто забрал рюкзак, было непонятно.

Но каково же было удивление Вадика, когда он понял, что мужчина в свитере направляется к ним.

Он подошел и, кивнув, улыбнулся:

– Здравствуйте, меня зовут Глеб, а с вами я еще познакомлюсь.

– Это че, вроде как наш вожатый? – тихо, почти на ухо, спросил Черный.

– Вроде того, – пожал плечами Вадик, все еще с трудом осознавая то, что только что видел. Получалось, этот Глеб был каким-то образом связан или во всяком случае знаком с Чубом. И Вадик еще не знал, хорошо это или не очень.

И тут, как гномик из табакерки, откуда-то сбоку выскочил невысокий лысоватый тщедушный мужчина с огромным носом, в темно-сером костюме и при галсту-

ке. У него в руках были какие-то бумаги. Он подбежал к Глебу и представился:

– Аркадий Маркович, менеджер турфирмы «Шхуна».

– Глеб, – коротко отозвался мужчина в свитере, пожимая ему руку.

– Здесь список с фотографиями, двое не полетят, а две девчонки вместе с медсестрой нашей Лизой Стариченко приедут к самому отлету. Билеты у них на руках. Так что вы можете или сейчас переключку сделать, или уже в лагере. Там на месте к вам, возможно, еще несколько местных ребят присоединятся.

– А те двое, что не полетят, они что, присоединятся к группе позже? – спросил Глеб, всматриваясь в фотографии и сверяя их с лицами подопечных.

– Нет, они вообще в лагерь не поедут, – уточнил Аркадий Маркович.

– Ясно, – кивнул Глеб и, очевидно разобравшись со списком, переключки делать не стал.

– Ребята! Минуту внимания! – поспешил сказать Аркадий Маркович. – С вами летит уникальный человек – инструктор, участник боевых действий в нескольких горячих точках, мастер, владеющий всеми видами борьбы, выбивающий в тире сто из ста, а теперь ваш начальник – Глеб...

– Просто Глеб, – кивнул Слепой, окидывая подошедших к нему поближе мальчишек оценивающим взглядом.

– Он вас обучит всему, что умеет, – пообещал Аркадий Маркович и, дотянувшись Глебу до уха, добавил: – Чуб за тебя поручился, так что смотри!

По странной случайности Вадик оказался рядом и услышал этот шепот. Получалось, этот Глеб знает Чуба и тот даже почему-то за него поручился.

Это не очень-то нравилось Вадиду, более того, это напрягало, как и то, что вместе с ним летел Черный, этот высокий развязный паренек из элитных рублевских, сын банкира, у которого с самого рождения было все, чего только могут пожелать не только душа, но и тело.

В городе он тусовался, очевидно, как и Вадик, в поисках острых ощущений. Одно Вадиду в нем определенно не нравилось. В присутствии Головы и даже Шмыря он делался ниже травы, тише воды, а когда оставался с теми, кто был младше или слабее его, начинал корчить из себя неизвестно что.

Вот и теперь, когда только вышел из машины, был как бы даже чуть растерян. Но стоило ему увидеть Вадика, как его точно подменили. Он окинул всех снисходительным, даже чуть

уничжительным взглядом и сплюнул. Потом достал откуда-то из носка или кроссовки сигарету, зажигалку и закурил.

Докурить он не успел. Откуда-то из-за угла к нему подскочил здоровый детина и буквально выдернул сигарету у него из зубов.

– Ты что отцу обещал?! – крикнул детина.

Черный сразу сник.

– Я отцу передам, чтобы он высчитал из твоей суммы двести долларов, – сказал, как понял Вадик, охранник.

– Я ж не докурил... – начал было Черный.

Но охранник был неумолим:

– Ты и так его опозорил, и его, и мать. Мое дело предупредить. Где б ты ни был, возле тебя везде будут наши глаза и уши.

– Что, стукачей наняли? – хмыкнул Черный.

– Думай что хочешь, но каждый твой неверный шаг будет съедать деньги на твоём счету. Сотню за сотней. Пока ничего не останется. Еще и должен отцу с матерью будешь, – строго предупредил охранник.

– О чем спор? – спросил подошедший к ним Аркадий Маркович.

– Да вот курить вздумал. А отец с матерью категорически против, – поспешил объяснить охранник. – У вас же в лагере, они надеются, сухой закон, и курить – не курят?

– Почему... – неожиданно включился в разговор Глеб. – Они могут и пить, и курить, и ширяться.

Охранник в ужасе округлил глаза.

– Только потом ни стрельбы по бегущим мишеням, ни верховой езды, ни рукопашного боя, ни бесконтактной борьбы им не видать как своих ушей, – с ироничной улыбкой добавил Глеб, – даже к котлам их не подпустим.

– А, ну это правильно, – кивнул охранник и, заметив, что Черный втянул голову в плечи, добавил: – Только этот его срыв, может, вы не станете учитывать?..

– А я ничего не видел, – пожал плечами Глеб.

– Ну тогда ладненько... – кивнул охранник и, обращаясь к Черному, пригрозил: – Если еще раз сорвешься, я родителям и про этот случай доложу.

– Пошел ты! – покраснев, с досадой буркнул Черный. Ведь пока шел разговор, все ребята вслушивались и пытались уловить суть. После таких разборок надежда на то, что он, Черный, сможет завоевать авторитет среди ровесников, стать лидером, растаяла, как весенний снег. Теперь, чтобы ему поверили и за ним пошли, придется совершать что-то сверхординарное или безбожно врать, на что тоже надо еще решиться.

К счастью, объявили регистрацию, и, пока досматривали вещи и их самих, всем было не до выяснения отношений. Шмонали их по-страшному, поскольку у одного собиравшегося лететь их рейсом в Бишкек такого же, как они, молодого человека собака унюхала наркотики. Ему пришлось разуваться и вытряхивать из носков пакетики с белым порошком.

– Не пойму, – пробормотал вдруг один из ребят с разноцветными дредами, – из Бишкека к нам натуральную траву завозят, а туда тащат какую-то синтетику...

– А ты откуда знаешь? – спросил у него парень-крепыш, который больше всех других понравился Вадиду. И если бы не Черный, который свалился как снег на голову, Вадик, может быть, с ним бы уже познакомился.

– Да так, сериалы смотреть надо, – пожал плечами парень с разноцветными дредами.

– Меня, кстати, Костя зовут, Костя Цыбин, – сказал крепыш, протягивая руку парню с дредами.

– Я Мик, а это Кузя и Рурик, – представился сам и представил своих друзей парень с дредами.

– Какие-то у вас не имена, а клички, – покачал головой Костя и повернулся к Вадик.
– Я Вадик, – сказал тот и, пожав Косте руку, мотнул головой в сторону: – А это Черный.
– Черный? – удивленно повел плечами Костя. – И почему Черный? У тебя же только брови черные, а голова совсем лысая.

– Это он недавно только постригся... – пояснил Вадик.

Черный тут же его резко перебил:

– У меня и у самого язык есть!

– Да, я вам еще не представил Алешу, – сказал Костя, поворачиваясь к высокому парню в очках. – Он у нас эрудит.

– Эро что? – переспросил Черный.

Парни с дредами хохотнули.

– Подождите, – вдруг вспомнил Вадик, – там же еще на лавочке сидели ребята. В карты играли...

– Это, наверное, не наши... – пожал плечами Костя.

– Да это мои охранники. Мамаша так боялась одного отпускать, что в пристежку охранников послала, – прояснил ситуацию Мик.

– Но они тебя за курево не гоняли, как Черного, – вдруг встрял в разговор Алеша.

– А ты помолчи, очкарик! – резко выкрикнул Черный, и тут же у него зазвонил мобильный.

Вадик, который стоял рядом, не мог не услышать прозвучавший в трубке резкий мужской голос:

– Не груби!

– Во дают... – стараясь скрыть растерянность, пробормотал, озираясь по сторонам, Черный и отключил мобильный.

– А кто это? – поинтересовался Вадик.

– Сам не знаю, как это у них получается, – пожал плечами Черный. – Пасут. Не успею что сказать или сделать не так, или охранник тут как тут, или вот, телефон звонит.

– Может, они в телефон видеокамеру вмонтировали? – предположил Вадик.

– Может, – задумчиво пробормотал Черный.

Вадик сделал знак Черному положить мобильный

на стул, накрыл его своей курткой и жестом отозвал парня в сторону. И, оглянувшись, почти шепотом предложил:

– А ты мне свой телефон отдай или кому-то еще.

– А мне как без телефона?

– А я тебе свой дам. Типа махнемся.

– Давай, – согласился Черный.

И не успел он взять в руки телефон Вадика, как тот зазвонил.

– Але, – автоматически отозвался Черный.

– Але... – послышалось издали.

– Вадик, это тебя, – понизив голос, произнес Черный.

– Черный, ты, что ль? – спросил Шмырь так громко, что услышал не только Черный, но и Вадик.

– Я, – нехотя сказал в трубку Черный.

– Ты нам тоже нужен будешь. Но чуть позже. А сейчас позови Вада. Вы там с ним вместе тусуетесь, что ли? – поинтересовался Шмырь.

Вадик, поняв, кто звонит, побледнел и замахал руками – дескать, его здесь нет.

Черный, который, похоже, струхнул еще больше, чем Вадик, заикаясь, пробормотал:

– Его здесь нет...

– А телефон его что у тебя делает?! – не отступал Шмырь.

- Мы поменялись...
- Поменялись они! Блин, узнаю, что пургу гонишь, урою! И одного, и другого!
- А что тебе от Вада надо? Может, я передам? – попытался снять напряжение Черный.
- От Вада надо то же, что и от тебя, чмо, бабки. Голова сказал, твои родаки подсустились, заплатили, пусть пока живут. А Вад, если сегодня до вечера бабок нам не даст, долго вспоминать нас будет. И мамаша его слезами умоется. Так ему и передай!
- Если увижу... – сообразил сказать Черный.
- Ты! Тварь дрожащая! Я же знаю, что он там! – не унимался Шмырь. – Запомни, у нас еще никто с крючка не соскакивал!
- Тут объявили посадку, и Вадик сам отключил телефон.
- А что это он тебе про родаков твоих базарил? Что, он их знает и они ему правда бабки отвалили? – спросил Вадик.
- Да это он так... – сказал Черный и тут вспомнил: – А мой телефон и твоя куртка? Мы их там по ходу оставили...
- Ваше, что ли? – спросил Глеб, который шел последним, протягивая куртку и телефон.
- Да, – кивнул Вадик. – Спасибо.
- Ну, не теряйте больше, – кивнул Глеб и, пристально взглянув на ребят, добавил: – Может, какие проблемы?
- Да нет у нас никаких проблем! – буркнул Вадик, почувствовав какой-то слишком уж явный интерес.
- Ну, как знаете... – пожал плечами Глеб.
- Странный он какой-то, – проговорил Вадик.
- Мне родаки говорили, что с нами спецназовец какой-то крутой должен ехать. Я так понял, что это он и есть? – спросил Черный.
- Да вроде того, – кивнул Вадик и, возвращаясь к начатому разговору, спросил: – Так чего Шмырь про твоих родаков базарил? За что они ему бабки отвалили?
- Давай не здесь, давай в самолете, – попросил Черный.
- Ну, как знаешь... – пожал плечами Вадик. – В самолете так в самолете.
- И потом, как только они поднялись по трапу и наконец устроились в креслах, Вадик напомнил:
- Так расскажи про Шмыря.
- А чего ты так этим интересуешься? Он, что ли, на тебя тоже наехал? – окинув Вадика внимательным взглядом, спросил Черный и, не дожидаясь ответа, сам продолжил: – Ну да, конечно, он должен был обязательно тебя тоже достать, мы же вместе фотографировались...
- Слышь, ты, Черный, не тяни резину! – начиная раздражаться, сказал Вадик.
- Подожди, давай поговорим, когда взлетим! – сказал Черный и кивнул на только что вошедших в салон трех девушек: – Смотри, какие фигурки! Жалко, что в брюках! Наверное, и ножки ничего!
- Девушки и правда были хороши. Одна, яркая крашеная блондинка с длинным, аккуратно собранным на затылке хвостиком и челкой, – постарше, в легком светлом брючном костюме и удобных туфлях на низком каблуке. А те, что помладше, – шатенка и рыженькая, вся в веснушках, были коротко стрижены и одеты в одинаковые дорогие джинсовые костюмы и кроссовки. Только яркие маечки у них были разного цвета. У шатенки под цвет глаз – голубая, а у рыженькой – ярко-зеленая.
- Девушки заняли свои места. Та, что постарше, села прямо за ними, а молоденькие прошли в конец салона.
- Слышь, ты не знаешь, они с нами или как? – заинтересовался Черный.
- Да вроде говорили, что с нами какие-то телки должны лететь... – пожал плечами Вадик.

– Нет, ну, правда интересно, неужели они с нами в лагерь собираются? – заинтересовался Черный. – Хоть возьми и спроси.

– С вами, с вами, – вдруг отозвалась сидящая сзади блондинка с хвостиком. Вадик повернулся и увидел, что рядом с ней сидит Глеб.

Глава 4

Когда Лиза Стариченко поступала в мединститут, старшекурсники пугали ее тем, что в любой момент ее могут послать в горячую точку, на ликвидацию какой-нибудь аварии или последствий стихийного бедствия. А кто-то решил сострить и добавил:

– И на три буквы могут послать...

Лиза смутилась, а остряк хмыкнул:

– Я имел в виду совсем не то, что ты подумала. Я про ФСБ, ГРУ и тому подобные аббревиатуры. Ведь с человеком ближе, чем у врача, контакт разве что у священника. Но даже если душа ноет, в храм все равно не все ходят, а вот если голова заболела, врачу всякий рад.

Лиза тогда постеснялась и не стала спрашивать, что именно имел в виду остряк-самоучка. Не прошло и три года, как жизнь сама раскрыла ей смысл тех разговоров.

Этим летом она рассчитывала пройти практику в своих родных Люберцах, написала заявление. Но отдать его еще не успела, как ее вызвали в деканат.

Когда она, постучав, вошла туда, все женщины, что сидели там за компьютерами, вдруг, как по команде, встали и вышли за двери, оставив ее один на один с каким-то седым статным, с военной выправкой мужчиной в светлом костюме и при галстукке.

Он поднялся ей навстречу и, вместо того чтобы улыбнуться, как-то изучающе осмотрел, будто ощупал ее с ног до головы.

– Здравствуйте, Лиза. У меня к вам серьезный разговор, – сказал он и предложил: – Давайте присядем.

Сам он сел за один из столов, она устроилась на стуле перед ним.

– Здравствуйте, – кивнула она, чувствуя, что краснеет.

Очевидно заметив, что девушка растерялась, мужчина достал из внутреннего кармана какое-то удостоверение и, раскрыв его, показал Лизе, которая из-за своей близорукости не прочитала даже имени владельца, но поняла, что этот солидный мужчина представляет какие-то официальные органы. Переспрашивать, как ей казалось, было смерти подобно. И она лишь кивнула. Мужчина спрятал удостоверение во внутренний карман пиджака и, покрутив в руках карандаш, спросил:

– Хотите нам помочь?

– Как? – растерянно выдавила Лиза.

– Нам рекомендовали вас как одну из лучших студенток. Вы серьезно занимаетесь таэкван-до, ходите на курсы английского. Как говорится, отличница, спортсменка, комсомолка, и к тому же у вас отец бывший военный, то есть вы знаете, что такое долг перед Родиной, – продолжал зондировать ее своими пронзительными водянисто-серыми глазами седой.

Лиза смутилась еще больше, но потом, очевидно вспомнив все фильмы про деятельность спецорганов вместе взятые, заявила:

– Если нужно доносить на моих товарищей, я не буду!

– Да подожди ты! – сказал мужчина, улыбнулся и, покачав головой, добавил: – Ты, наверное, дурных фильмов насмотрелась. Ни на каких товарищей нам доносить не нужно. Просто сейчас проводится оперативная проверка летних лагерей.

– Лагерей? Вы меня хотите послать в лагерь? – удивилась Лиза.

– Вы же знаете, – мужчина опять перешел на «вы», – теперь модным стало отправлять детей в летние лагеря. И не просто лагеря, а так называемые лагеря экстремального отдыха. Это, кстати, стоит немалых денег. Но богатые люди не жалеют средств, чтобы их чада были под присмотром, пока они греются со своими женами или любовницами где-нибудь на Канарах. А тут дополнительно деток этих еще и воспитывают. В общем,

и овцы целы, и волки сыты. Но к нам уже не раз поступали сведения о том, что в некоторых из этих лагерей детей подсаживают на наркотики, а иногда дети вообще приезжают какие-то неузнаваемые. И нам никак не удастся выяснить, в чем тут дело. Сопровождающие их воспитатели, ясное дело, ни о чем таком понятия не имеют. Сами дети вообще ничего путного вспомнить не могут. Словом, тупик.

– У вас что, мужчин нет, чтобы озадачить их этой проблемой? – пожала плечами Лиза.

– Лиза, милая, – вдруг совсем другим, доверительным тоном произнес седой мужчина, – вы медик, вам будет легче во всем разобраться.

– У нас же парней хватает, – все еще пыталась отбояться Лиза, – есть и те, что в армии уже отслужили...

– Да у них же на лице написано будет, что не просто так в лагерь приехали, задание выполняют. И их сразу или уберут, или нейтрализуют. И потом, мы все эти варианты уже рассмотрели. Девушка, да еще такая обворожительная, как вы, блондинка, сами понимаете, подозрений не вызовет. А вы аккуратно за всем понаблюдаете и будете действовать, как говорится, по обстоятельствам.

– И ключевое слово здесь «блондинка»? – вздохнула Лиза.

– Ну, зачем вы так? – покачал головой мужчина. – Я же говорю, мы очень ценим ваш ум.

– Мне можно подумать? – спросила Лиза.

– Милая Лиза, вы же сами понимаете, если я раскрыл перед вами свои карты, речи об отступлении идти уже не может. Я просто применю более жесткие методы убеждения.

– Вы мне угрожаете?! – возмутилась Лиза.

– Пока что только предупреждаю, – сообщил мужчина, и в его глазах промелькнул стальной отблеск.

– То есть отступить мне некуда?

Мужчина молча кивнул.

– Но у меня же практика, – ухватила за последнюю соломинку Лиза.

– Работа в лагере и будет вашей практикой, – кивнул мужчина, – но, в отличие от просто практики, вы получите шанс прилично подзаработать. Мы, если вы предоставите нам необходимую информацию, сможем вам выписать премию.

– А если не предоставлю? – поинтересовалась Лиза.

– В нашем деле отсутствие информации тоже информация.

Лиза, осознав, что ей остается одно – согласиться с предложением, лишь коротко вздохнула.

Оказалось, однако, что все это далеко не так просто. Целый месяц каждый день после лекций и с утра по выходным она ходила на занятия, где изучала приемы самозащиты, училась стрелять, подтягивала английский, осваивала основы современной психологии. В группе было десять человек. В основном парни. Из девчонок их было только трое. Все из разных медицинских институтов.

Как и следовало ожидать, насчет практики у нее никто ничего не спрашивал. Когда зачитывался список, девушка из деканата, прочитав ее фамилию, сказала:

– Стариченко едет на практику по распоряжению деканата.

Однокурсники, конечно, удивились, но на все их расспросы она отвечала, как ее учили:

– Сама не знаю.

Ее предупредили, что ни о дополнительных занятиях, ни о том, где она будет проходить практику, никому сообщать не следует. И Лиза отлично поняла, что «не следует» – это значит «нельзя». Родителям она сообщила, что у нее появилась возможность совместить практику с отдыхом, но пока что это секрет. А подругам просто сказала, что пока еще не знает, куда поедет.

Наконец в начале лета на курсах, где их готовили к выполнению секретных заданий, Лизе, как и всем другим курсантам, раздали объявления, дававшиеся фирмами, набиравшими персонал для работы в лагерях экстре-

мального туризма для подростков. Лизе досталась турфирма «Шхуна». А когда она пришла туда, ей предложили работу в лагере «Атлантида», который планировалось открыть на озере Иссык-Куль. Как она поняла, никто в турфирме не догадывался, что их практика связана с органами безопасности. Ее воспринимали как студентку-медичку, которая хочет летом совместить приятное с полезным, то есть и отдохнуть, и подзаработать. Лиза заполнила анкету. В графе, где нужно было написать, какими видами спорта она занималась, Лиза честно призналась, что владеет приемами таэкван-до. А вот в отношении владения стрелковым оружием ответила обтекаемо: «Владею посредственно, стреляла в тире».

– Имейте в виду, – сказал мужчина, набиравший персонал воспитателей и медработников, – у нас в лагере будут отдыхать и тренироваться под руководством опытных инструкторов дети богатых и даже очень богатых родителей: подростки, юноши, девушки...

– Там и девушки будут? – удивилась Лиза.

– Да, – кивнул работник фирмы, которого звали Аркадий Маркович, и попросил: – Я очень прошу вас взять их под особый контроль. Родители у них очень, ну очень влиятельные личности. А девушки, если определить их статус среди одноклассников, несмотря на то, что они учатся в элитной школе, – жуткие оторвы.

– И как я должна буду их, этих, как вы выражаетесь, жутких оторв, контролировать? – поинтересовалась Лиза.

– Вам придется заехать за ними перед отлетом, а потом глаз с них не спускать. Именно такие условия поставили перед нами их родители. Они предупредили, что справки от гинекологов принесут, что, мол, их детей девушками нам отдают. И девушками мы им их вернуть обязаны. И это даже в договоре оговорено и печатями скреплено. Так что глаз с них не спускайте. Жить будете в отдельной палатке, и вы проследите за тем, чтоб там не толклось никаких мальчиков. Головой отвечаете!

– Хорошо, – удивленно пожала плечами Лиза.

– Если, не дай бог, что случится, будете из собственного кармана оплачивать им еще одну операцию по восстановлению, ну, сами понимаете чего...

– То есть вы хотите сказать, что им уже делали одну такую-этакую операцию? – попыталась уточнить Лиза.

– А то! В лучших клиниках, за серьезные бабки... Я ж говорю, жуткие оторвы. Но родители надеются, что они начнут новую жизнь. Да, вот еще что – учтите, что одна из девчонок увлекается готами, а другая помешана на анимэ. Читает все подряд про каких-то кровожадных киберклонов.

– То есть, я так понимаю, медиком я буду по совместительству. А основные мои профессии – это охранник и психотерапевт? – потребовала уточнения Лиза.

– Но родители этих маленьких разбойниц готовы нам заплатить просто бешеные бабки, если мы добьемся успеха – во-первых, сохраним их девственность, во-вторых, научим приемам самообороны и, главное, приучим трудиться.

– А что, разве богатые люди не могут своим детям обеспечить безбедное будущее? – удивилась Лиза. – Зачем им трудиться?

– Вы что, хотите, чтобы они ничего не делали? – спросил Аркадий Маркович.

– Да это же профанация, а не перевоспитание, – заметила Лиза. – Бедные должны трудиться, а богатые – отдыхать.

– В жизни так не бывает, – покачал головой Аркадий Маркович и спросил: – Кто, как вы думаете, находится в состоянии сладкого ничегонеделанья?

– Как «кто»? – искренне удивилась вопросу, хоть и заподозрила в нем подвох, Лиза. – Миллионеры, конечно. Вот мне не то что миллион долларов, миллион рублей кажется неосознаваемой суммой.

– Нет, – покачал головой сотрудник фирмы, – в состоянии сладкого ничегонеделанья находятся ни-

щие, они плевали на труд, поскольку им нечего терять. А все богатые люди, как утверждают социологи, законченные трудоголики. И в детях богачей этот их ген трудоголизма тоже бродит или спит. А раз ген спит, его разбудить нужно и активизировать! Если это у вас получится, родители этих чад выложат опять же кругленькую сумму.

– Да, и еще, как я поняла, мне придется работать воспитателем, – покачала головой Лиза.

– И воспитателем, – кивнул Аркадий Маркович.

– Ладно, я ради интереса попробую. Но обещать ничего не могу... – сказала Лиза и с надеждой добавила: – Но я же не одна такая туда еду?

– Конечно! – обрадовавшись, что есть чем похвалиться, заверил ее Аркадий Маркович.

– Там же будут педагоги и охранники? – спросила Лиза.

– Там будет педагог и охранник, – ответил Аркадий Маркович.

– То есть? – удивилась Лиза.

– Вы найдете человека, который будет и охранником, и педагогом, и тренером. И еще местные вам помогать будут, там же туристическая зона, они всем помогают... Некоторые занятия с детьми тоже местные сотрудники будут проводить.

– Вы хотите сказать, что нас будет всего двое? – не скрывая испуга, спросила Лиза.

– Ну и что? – пожал плечами Аркадий Маркович. – С вами же летят не некие безымянные молекулы, а вполне самостоятельные юноши и девушки. Им шнурки завязывать не надо. И потом, не буду раскрывать всех секретов, но у нас есть свои методики, вы сами увидите, дети станут как шелковые. И вообще за дисциплину в лагере не вы отвечаете. Вы – медик. Ваша задача – если ЧП какое или заболел кто, оказать первую помощь, вылечить.

– Но вы же мне сами сказали, что я отвечаю за этих двух девушек, за их, так сказать, честь и досто-

инство. А если там над ними десяток здоровых парней петушиться будут да еще наверняка местные в очередь встанут, как я за ними услужу? – спросила Лиза.

– Ну не уследите, так и не уследите! Пытались, но... Пусть родители на этот счет парятся. Наша задача – организовать детям полноценный отдых. Ну недоплатят вам их родители, на чем-то другом заработаете... – пошел на попятную Аркадий Маркович.

– Хорошо, я все поняла, – кивнула Лиза.

– Вам нужно будет прослушать несколько лекций об особенностях работы в таких лагерях, а потом пакуйте вещи, – сказал Аркадий Маркович.

Но стоило Лизе упаковать сумки, как она сполна почувствовала всю прелесть ожидающего ее «отдыха». Аркадий Маркович позвонил накануне отлета и даже не попросил, а распорядился:

– По пути в аэропорт заберете девочек, которые полетят в лагерь. Их дома в Барвихе стоят рядом. Наш шофер заедет за вами, он дорогу и адреса знает. Первое ваше задание, ваша задача – заставить их привести себя в божеский вид, а то родители не знают, что с ними делать. Говорят, такими, какие они сейчас есть, ни за что их не отпустят.

– И как я буду их приводить в божеский, как вы говорите, вид? – пожалала плечами Лиза.

– Скажете, что такими, какие они есть, в лагерь их не примут.

– А они мне скажут «ну и не надо», – улыбнулась Лиза, представив, как может развиваться ситуация.

– Ну, про мальчиков скажите, что, мол, мальчиков много едет... На девочек это действует, – посоветовал Аркадий Маркович. – Скажите, что их родители бешеные бабки за этот лагерь выложили...

– А что, это и правда очень дорого?

– Нам с вами и нашим детям такое даже и не снилось. У нас очередь за год почти занимают, – с гордостью заявил Аркадий Маркович.

– Бешеные деньги платят и очередь за год занимают для того, чтобы своих детей в такую даль выправить? – удивилась Лиза.

– А что ж вы думали. Мы не первый год работаем на рынке туристических услуг. На Рублевке у нас репутация. В «Атлантиде», если и завелись у кого в голове тараканы, всех вытравят.

– В смысле?

– Да они из этого лагеря шелковыми возвращаются. Ни про каких готов, паркур, скинхедов даже не вспоминают. Тише воды, ниже травы делаются. Ведь сейчас за юные души, да еще души, выращенные в оранжереях Рублевки, настоящая борьба идет. Они, эти дети, такие неприспособленные, внушаемые. А втяни в какую гадость, родители готовы выложить, сколько скажешь, лишь бы репутацию свою не подпортить. Ну а мы родителям вместо трудных подростков младенцев возвращаем, тихих, послушных, о которых лишь мечтать можно.

– И как это вам удастся? – удивилась Лиза.

– Ну вот поедете и сами увидите.

Лиза, которая в общем-то не очень интересовалась модными молодежными тусовками, поняла одно – в лагерь они будут транспортировать трудных подростков, а из лагеря привезут пай-деток.

Ранним утром, когда шофер заехал за ней и они направились на Рублевку забирать двух девочек в лагерь, Лиза смогла сполна ощутить истинную трудность поставленной перед нею задачи.

Возле одних ворот на лавочке сидела и курила девчонка в черных кожаных брюках и черной же майке, с болтающимся на цепочке блестящим серебряным пауком. Через плечо у нее была перекинута сумочка, украшенная выложенной стразами паутиной. Покрашенные в черное волосы торчали в разные стороны. Подведенные ярко-черным глаза и ярко-алым губы и ногти дополняли образ девушки в черном.

Когда их «фольксваген» подкатил к воротам, на улицу тут же вышла пожилая женщина в белом фартушке и крахмальной наколке на высокой прическе.

– Добрый день, – кивнула она весьма сдержанно Лизе, которая вышла из машины.

– Добрый день, – ответила Лиза и, вспомнив поручение Аркадия Марковича, окинув девушку в черном оценивающим взглядом, строго произнесла: – Попрошу привести себя в порядок. Мы летим международным рейсом. Туда в таком виде не пускают. И потом у нас очень много юношей и всего две девушки. Вы должны соответствовать.

– Каролина, ты слышала? – строго проговорила женщина в наколке.

Каролина затушила, выбросила сигарету и, ни слова не говоря, пошла во двор.

– Через сколько минут вы будете готовы? – спросила вдогонку Лиза.

– Думаю, минут двадцать ей выше крыши! – ответила за нее женщина в наколке.

– Она у вас всегда такая резкая? – спросила Лиза.

– Ничего, через две недели шелковая вернется, – уверенно заявила женщина в наколке.

– Вы так в этом уверены? – удивилась Лиза.

– Да вон у соседей мальчишка сорвиголова был, с какими-то не то скинхедами, не то фашистами связался. А в прошлом году отправили его на две недели в «Атлантиду», парня не узнать стало. Что уж они там с ними делают, как воспитывают, не знаю. Но теперь его хоть к ране прикладывай. Гувернантка их рассказывала: из школы его привезут, он в свою комнату поднимется и, пока его ужинать не пригласят, сидит книжку читает или фильм какой смотрит.

рит. Потом поужинает и опять в свою комнату, уроки делает. А в девять-десять вечера спать ложится. О здоровье своем задумывается. Какие-то пищевые добавки покупает. Представляете, раньше сигареты, пиво, а теперь пищевые добавки покупает...

– И вы думаете, ваша девочка тоже такой станет? – удивленно спросила Лиза.

– А куда ей деваться. Конечно, станет, – уверенно проговорила женщина в наколке.

Возле вторых ворот на чемодане сидела рыженькая веснушчатая девчонка, очевидно уже «обработанная» своими родителями. Была она коротко пострижена, практически без косметики, в джинсовом костюме и зеленой майке, которая подчеркивала цвет ее глаз.

Когда Лиза вышла из машины, она вдруг театрально вытянулась по стойке «смирно» и, поднеся руку к голове, отрапортовала:

– Полина Воробей по вашему приказанию прибыла.

– К пустой голове руку не прикладывают! – раздалось из-за калитки, и на улицу вышел пожилой седой мужчина с военной выправкой.

– Это у кого еще голова пустая?! – возмутилась девушка, краснея. – Сейчас папу позову, он тебе объяснит твое место!

– Зови, зови, не дозовешься! Он вчера всю ночь со своей Мадлен зажигал, – ухмыльнулся мужчина и, обращаясь к Лизе, добавил: – Выполняя данное мне поручение, передаю вам сей драгоценный дар из рук в руки. Берегите ее там.

– Полина, садитесь в машину, – пригласила Лиза.

Мужчина хотел помочь девочке отнести чемодан

в машину, но та только пренебрежительно хмыкнула и потащила его сама.

Шофер, который весьма кстати вышел покурить, помог положить чемодан в багажник.

– А вы кто, педагог? – спросил мужчина с военной выправкой у Лизы, которая уже садилась на переднее сиденье.

– Нет, я медик.

– Вот и отлично! – кивнул мужчина. – Расскажите этой девице, что бывает, когда пуп и соски такие дуры, как она, прокалывают.

– Не твое собачье дело! – грубо сказала Полина и, усевшись на заднее сиденье, громко хлопнула дверью.

– Счастливой дороги! – усмехнулся мужчина.

– Чао! – фыркнула Полина.

– Ваша фамилия, если не ошибаюсь, ведь не Воробей, а Дрозд? – спросила Лиза как можно строже.

– Ой, только не надо меня звать на «вы», меня от этого воротит! – скривила рот Полина и отвернулась к окну.

Лиза решила смолчать.

Когда они подъехали опять к воротам дома Каролины, та уже их ждала. Нежно-розовое обтягивающее атласное платье, длинные белые волосы, розовые туфли на высоченном каблуке, кукольный макияж и ярко-голубые глаза делали ее абсолютной копией Барби. Она изящно опиралась на ручку ярко-розового чемодана на колесиках. Когда шофер вышел, чтобы помочь ей положить в багажник чемодан, она надула губки и капризно проворковала:

– А вот и мой Кен. Ты почему так долго? Я тебя ждалась.

– Простите, – потупилась женщина в крахмальной наколке, – я ничего не могла с ней поделать.

– Ой. Ну ты, Каролина, даешь! – вдруг зашлась хохотом Полина.

Лиза вышла из машины и, взглянув на мобильник, поняла, что у них в запасе от силы еще минут пятнадцать. Если эта Каролина еще немного повыпендривается, спешить уже будет никуда. Собрав всю свою волю, она строго и сухо сказала:

– Если вы, Каролина, сейчас же не прекратите этот цирк, мы вас ждать не будем. Там такие парни летят в лагерь, а вы... Хотя, – пожала она плечами, – можете появиться перед ними в этом виде.

– А что, у вас, может, там униформу носят, как в армии или на зоне? – хмыкнула Каролина.

– Да нет там никакой униформы, – вздохнула Лиза.

– А как мне прикажете одеться? – спросила Каролина.

– Ну, хотя бы как Полина, – пожала плечами Лиза.

– Слышь, Полина, покажись, а то не знаю, как мне и одеться... – попросила Каролина, заглядывая в окно машины.

Полина тут же выскочила и принялась вертеться перед Каролиной.

– Ладно. Поняла, сейчас, айн момент! – сказала Каролина и только ее и видели.

Женщина в крахмальной наколке и фартучке пожала плечами и поплелась следом.

Через десять минут из ворот вышла одетая в точно такой же, как у Полины, джинсовый костюм и ярко-голубую майку коротко стриженная шатенка.

– Ну, все, забирают нас с тобой, Польшка, в армию. Пишите письма мелким почерком!

Как только Каролина уселась на заднее сиденье рядом с Полиной, шофер нажал газ, и выбежавшая из калитки женщина в крахмальной наколке только растерянно покачала головой.

Всю дорогу до аэропорта девчонки слушали музыку из наушников.

В самолете, куда они заскочили буквально в последнюю минуту, Лиза посадила их так, чтобы все время держать их в поле зрения, а сама села рядом с сухощавым мужчиной в темных очках. Правда, как только она села рядом, мужчина снял очки и вежливо кивнул ей в знак приветствия.

– На Иссык-Куль? – спросил он.

– Да, – кивнула Лиза.

– Меня Глеб зовут, – представился мужчина.

– А меня Лиза, – сказала девушка.

Полина и Каролина, усевшись в кресла, сразу же вставили в уши наушники. А Лиза, хотя, как она понимала, ей следовало поближе познакомиться с сидящим рядом с ней мужчиной, который и был, очевидно, воспитателем и охранником в одном лице, почему-то смутилась и, закрыв глаза, сделала вид, что спит. Однако, ясное дело, заснуть ей не давало волнение. За те пару ча-

сов, пока Лиза собирала в дорогу двух этих девиц, она вполне осознала весь груз лежащей на ней ответственности. В эту поездку родители отправили не просто подростков, а весьма трудных подростков. Отправили, надеясь на то, что их перевоспитают, сделают их, как бы точнее выразиться, более удобными в обращении. Лизу уже самому начинало разбирать любопытство, правда ли то, что подростков в лагере перевоспитывают до неузнаваемости. Да, похоже, дома этим подросткам, быт которых налажен на все сто процентов, не хватает простого человеческого внимания, а в лагере они будут заниматься полезными и интересными делами, самостоятельно преодолевать трудности, времени на капризы и дурь не останется. Они привыкнут жить по-другому и, возвратившись домой, тоже постараются быть людьми. Это похоже на правду. Но, будучи материалисткой, Лиза понимала, что за две недели человека ни в каком лагере перевоспитать до неузнаваемости невозможно. Значит, как предупреждали их на курсах сотрудники ФСБ, скорее всего, к детям применяют какие-то психотропные средства...

Думая о своем, Лиза уже стала засыпать, как вдруг громко хохотнул один из сидящих впереди подростков. И дальше, хотела того Лиза или нет, она вынуждена была слушать их болтовню.

– Да ты че, ну ты, Черный, даешь! – просипел хохотнувший подросток. – Это ж прям порнуха какая-то.

– Ага, порнуха... Тебе смешно... – пробубнил тот, которого его сосед назвал Черным. – А моим родакам за нее кругленькую сумму выложить пришлось.

– Не понял, – откинулся на кресле сосед Черного, – объясни поподробнее.

– Ну, это ж меня Шмырь подбил снять эту девицу, – все громче и громче продолжал Черный. – А когда она на меня накинулась, он хоп за мой телефон и снимать стал. А потом, я так понял, на флэшку себе информацию сбросил или на компьютер. Я и забыл об этом. А через пару недель Шмырь мне звонит и говорит: «Если

тысячу долларов через день не достанешь, кино, там где ты с девицей кувыркаешься, твоим родакам на комп по Интернету сброшу и еще распечатаю в виде фоток и по почте пошлю».

– Ну, и что ты на это? – спросил сосед Черного, по голосу, похоже, чуть помоложе, с явным интересом.

– Что-что... Дурак я был. Послал Шмыря куда подальше и забыл. А через три дня мамаша мне с батей такое устроили! В общем, переслал Шмырь все это и папаше моему, и мамаше прямо на работу. Смотри – не хочу. А потом перезвонил и предупредил: если деньги, тысячу долларов, через два дня на такой-то счет не перечислите, все это кино у всех ваших коллег и партнеров по бизнесу в компьютерной почте появится.

– А родители? – явно настороженно спросил сосед Черного.

– Родители... Им дешевле меня в лагерь послать, от греха подальше, чем за мои проколы расплачиваться, – сказал Черный.

– Нет, я о том, платили они Шмырю или нет...

– Куда ж им деваться. Ясное дело, платили.

– Да... А я не могу в толк взять, откуда у Шмыря и Головы такие тачки крутые...

– Тебя, Вадик, я так понимаю, тоже Шмырь на крючок поймал? – спросил Черный.

– И что из этого?

– Да ничего... Просто, если ты соскочить с крючка хочешь, ничего у тебя не получится...

Они тебя достанут!

– Ай, если что, пусть мама со своим хахалем разбираются! А мое дело – сторона! Послали в лагерь и послали!

– А какую они им предьяву сделать могут? – поинтересовался Черный.

– Да Голова там кого-то со своими колбасили, а я сбоку стоял.

– А я, я где тогда был? – встревожился Черный.

– Да мне почем знать, где ты был?

– Ну я там есть?

– Я не всматривался.

– А то, если я там есть, они по новой на родаков моих наедут.

– Кроме этих записей есть еще кадр, где мы голые с тобой, с Головой и со Шмырем фоткались, когда купаться ездили.

– Ну?

– Что «ну»? Они там как-то сделали, что мы теперь голые на фоне Красной площади стоим.

– Вот это круто! А я этого не видел.

– Мне уже прислали. И тебе пришлют. Или твоим родакам, – пообещал Вадик и вздохнул.

– Да, ну мы с тобой попали! Если они и правда этот кадрик пошлют родакам, лучше домой не возвращайся.

– А я и не вернусь! – вдруг сказал Вадик.

– Я бы тоже не вернулся, – понизив голос, сказал Черный, – но на что прикажешь жить?

– А мне маман карточку дала, и так бабла на карманные расходы. На первое время хватит.

А там видно будет!

– А, ну тогда да. Тогда конечно... – вздохнул Черный. – Везет тебе. А мне, считай, ничего не дали. А остальное, сказали, вышлют.

Лиза все-таки задремала. А когда проснулась, поняла, что в салоне происходит нечто экстраординарное.

Она посмотрела в ту сторону, откуда обычно появлялась стюардесса, и увидела страшную картину. Стюардессу хотя и одной рукой, но крепко, мертвой хваткой, держал какой-то здоровенный волосатый детина. Другая его рука была поднята. В ней красовалась какая-то коричневая коробка с торчащими из нее проводками.

– Всем сидеть, не двигаться! Иначе взлетим в воздух! – гулко, с надрывом выкрикнул мужчина.

В салоне повисла мертвая тишина.

И тут вдруг Лизе показалось, что мужчина, схвативший стюардессу, и сам не знает, что ему делать. Одет он

был как-то странно. Хотя и в Москве было жарковато, а летели они вообще в южную страну, на мужчине был теплый серый свитер, белый длинный шарф и серая шапочка, натянутая почти до бровей.

Лиза взглянула на сидящего рядом Глеба, тот чуть слышно пробормотал:

– Не бойтесь.

А потом, наклонившись к ее уху, добавил:

– Оружия, даже холодного, у него нет.

– У него же бомба... – шепнула Лиза.

– Это бабушка надвое сказала.

– А чего вы хотите? Какие у вас требования?! – вдруг выкрикнул кто-то из подростков.

– Мои требования просты: когда мы прилетим – белый лимузин и моя бывшая жена! – выкрикнул мужчина, разбрызгивая слюну.

– Давайте я передам ваши требования на землю, – прохрипела стюардесса.

– Меня не проведешь! – продолжал кричать мужчина. – Я выдвину конкретные требования, когда мы приземлимся в Бишкеке. Моя жена живет в Бишкеке.

– Он, по-моему, ненормальный, – покачала головой Лиза.

– Похоже на то, – согласился Глеб.

– Если хоть один из вас сейчас пошевелится, мои люди взорвут самолет... – выкрикнул мужчина, не выпуская стюардессу, и его остекленевшие водянистые глаза вдруг налились кровью.

– Если его люди такие же шальные, как он, мы пропали, – прошептала Лиза.

– Нет у него никаких людей, – уверенно сказал Глеб и добавил: – И взрывного устройства тоже, похоже, нет.

– А в туалет можно? – спросил кто-то из подростков.

– Пи-пи или а-а-а? – на полном серьезе спросил мужчина.

– Рыгнуть мне нужно, – сказал подросток.

Мужчина на миг задумался. Но этого оказалось достаточно, чтобы Глеб в прыжке достал мужчину, оттеснил его в сторону, освободив стюардессу, выбил из рук террориста коробку, сорвал с его шеи шарф и крепко стянул им кисти противника. Затем он швырнул мужчину в кресло и сам сел рядом.

Пассажиры, облегченно вздохнув, оживились.

– О, чувак дает! – восторженно выкрикнул Вадик.

– Он по ходу у нас в лагере приемы разные показывать будет, – сообщил Черный.

– Да, я бы не против научиться так, как он, махать, – покачал головой Вадик.

– Научись, – сказал Черный. – Он для того и летит с нами.

– Видал, как он этого типа скрутил...

– А что, это у него не бомба была? – спросил Черный громко.

Один из сидящих впереди ребят с разноцветными дредами схватил с пола коробку и закричал:

– Это мыло обычное, хозяйственное, с проводками!

– Лихо он нас всех развел! – крикнул кто-то впереди.

Как только самолет приземлился, в салон вбежали спецназовцы в камуфляже и с автоматами. Глеб передал им горе-террориста, который побелел, как полотно и, брызгая слюной, выкрикнул что-то невразумительное.

Лиза подошла к Глебу, поскольку заметила, что тот внимательно осматривает свою левую руку. Горе-террорист успел-таки глубоко прокусить ее.

– Давайте я забинтую, – предложила Лиза, доставая из аптечки, которую она всегда носила в дорожной сумке, бинт.

– Выйдем из самолета, там забинтуете, – сказал Глеб, заметив, что все их подопечные подростки стоят в проходе возле его кресла.

– Так, выходим, выходим! – попросил он.

Подростки, все какие-то вдруг притихшие и настороженные, направились к выходу.

– А вы нас так же научите махать? – спросил вдруг один из ребят с разноцветными дредами.

– Научу, научу... – кивнул Глеб.

– А с девчонками тоже будете заниматься, – заиграв голубыми глазками, спросила Каролина.

– Особенно с девчонками, – улыбнулся в ответ Глеб.

– Да, а то видите, как бывает... – заметила Полина.

Глеб зажал рану рукой и пошел к выходу. Как только

они спустились по трапу, Лиза, попросив ребят подождать, продезинфицировала укус и наложила повязку.

– Вот, я думаю, он же явно ненормальный, – сказал Глеб. – Может, мне укол от бешенства сделаете?

Лиза подняла удивленный взгляд и наткнулась на веселую улыбку. Глеб подмигнул ей и скомандовал:

– А теперь по коням. Нас там встретить должны.

– С цветами? – спросила Каролина.

– С цветами и музыкой, – кивнул Глеб.

Лиза обратила внимание на то, что Каролина и Полина спрятали наушники и с нескрываемым интересом осматриваются по сторонам.

Глава 5

Лю Синь очень не любила, когда клиенты, с которыми она вела переговоры о поставке витаминов или пищевых добавок, назначали ей встречу где-нибудь за городом или поздно вечером. И хотя к ней пока что никто не приставал с непристойными предложениями, она на всякий случай всегда брала с собой газовый баллончик.

Но в самолет ее бы с баллончиком не пустили. И теперь, оказавшись за тысячи километров от Москвы, в чужом, незнакомом Бишкеке, поздно вечером Лю Синь почувствовала себя совсем беззащитной. А нужно было идти

или, точнее, ехать на встречу к какому-то местному бизнесмену в ресторан «Иссык-Куль». Время и место встречи были заранее назначены. И не она, Лю Синь, а он, этот бизнесмен, должен был узнать ее, чтобы обсудить детали крайне выгодного для фирмы, представителем которой она являлась, дела.

Ее шеф Ху Фу, отправляя ее в Бишкек, долго водил указкой по украшающей стену их московского офиса карте и доказывал, похоже, даже не ей, а самому себе, какой выгодный заказ вырисовывается:

– Товар мы раньше поставляли из Кашгара в таджикский город Джиргаталь. Это был более долгий и опасный путь. К тому же местные, как только узнали о нашем товаре, который стоит дорого и хорошо расходуется, стали перехватывать наши машины, чтобы потом реализовывать товар самостоятельно. А откуда мы можем знать, что они подсыпают в баночки, чтобы товара было побольше? Это еще ничего, если просто сахар. А если наркотики? Но теперь появилась возможность поставлять товар в заповедную зону Иссык-Куля, в Балыкчы. Одна частная фирма в Кыргызстане готова предоставить нам транспорт, даже вертолеты. Это и быстрее и безопаснее. Но для того чтобы заказ никто не перехватил и мы работали без посредников, нужно кому-то из нас слетать в Бишкек и заключить договор с фирмой-посредником. У них такие порядки.

Лю Синь насторожилась. Ей совсем не хотелось лететь в такую даль. И она попыталась вежливо отказаться.

– Нет, ты полетишь, – почти скомандовал Ху Фу.

– Но почему я? – расстроилась Лю Синь. – Ведь у фирмы и без меня работников хватает.

– Во-первых, в контракте, который ты подписала, когда устраивалась на работу, было четко оговорено, что при необходимости ты будешь летать в командировки, в том числе и за границу. И потом, ты одним своим видом делаешь нам отличную рекламу. Ты сама – живая иллюстрация действия этих добавок. Ведь ты стройна, все-

гда бодра и весела. Разве это не мечта каждой современной женщины? И не только женщины...

– Но ведь это так далеко... – вздохнула Лю Синь.

– Все относительно. Это далеко от Москвы. Но зато Китай совсем рядом... Представь, что ты летишь повидать родные места, – сказал Ху Фу, приторно сладко улыбнувшись.

– А мне можно будет после этой командировки съездить домой? – оживилась Лю Синь. – Вы же сами говорите, что оттуда близко.

– Думаю, да. Это очень выгодный для нас заказ. И если тебе удастся заключить контракт, я на несколько дней отпущу тебя домой, – кивнул Ху Фу.

– Всего на несколько дней? – расстроилась Лю Синь. – Но я же два года не была в отпуске.

– Я могу отпустить тебя насовсем, – спокойно сказал Ху Фу.

– Простите, – тут же пошла на попятную Лю Синь.

– Как только я получу подтверждение, что контракт заключен, я позволю тебе уйти в отпуск, на неделю, – строго сказал Ху Фу и добавил: – В Бишкеке будь предельно осторожна.

Мне кажется, у нас там появились конкуренты. И те таджики, через которых мы раньше реализовывали товар, не захотят отказываться от такого прибыльного дела. Они ведь потом умудрились привезти партию наших добавок даже в Москву.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.